

PARADISE DELL' ORATORIO DI S. FILIPPO NERI

Тамара Шаркова

*Презумпция
любви*

Тамара Шаркова

Презумпция любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70480381

SelfPub; 2024

Аннотация

Полковник Лавров из режимного города узнает о том, что сын его друга остался сиротой и живет в интернате. Он охвачен одним чувством: «схватить его в охапку и увезти, защитить как-то от судьбы этой сиротской». Но брат Лаврова и его школьный друг пытаются образумить полковника. Ведь ему, одинокому человеку, трудно будет оформить разрешение на усыновление, да и мальчик может не согласиться. Но Лавров думает иначе: "Есть мальчик Горка! И есть я, Константин Лавров! И с чего это мне нужно пугливо оглядываться по сторонам, не примут ли меня за маньяка из подворотни, если я хочу заботиться о мальчишке. Дети могут использовать... Люди могут подумать... Какое мне дело до этого!". «Будьте добрыми, насколько можете!» – вспоминает он слова христианского святого.

Тамара Шаркова

Презумпция любви

Кто из них Горка, Лавров определил сразу. Разумеется, не тот «зефир бело-розовый», который, поджав коленки к круглому, как мяч, животу, передвигал пухлой ладонью игрушечный автомобиль по истертому линолеуму. Горка, похожий на рисованного детской рукой человечка из пяти разновеликих черточек, стоял во весь рост, сосредоточенно глядя под ноги. На его худеньком детском теле стриженная под машинку голова с большим выпуклым лбом и низким детским затылком казалась немного несоразмерной. Константин, не поворачиваясь, завел руку за спину и закрыл за собой дверь. Она натужно скрипнула, Горка вздрогнул и обернулся. Из-под длинных, как у девочек, темных ресниц на Лаврова глянули широко расставленные большие серьезные глаза.

– Здравствуй, Горка, – проговорил Лавров, внезапно севшим голосом.

– Здравствуйте, – ответил мальчик безо всякой заинтересованности в продолжении разговора.

Константин прокашлялся.

– Меня зовут Константин Николаевич... Полковник Лавров... Я отца твоего знал.

Горка опустил глаза. Губы его дрогнули. Не от сентимен-

тальной чувствительности. Насмешливо так. И Лаврова ки-нуло в жар. Он увидел, что рот мальчишки были изуродован болячками, которые в далеком детстве украшали губы его дворовых приятелей- близнецов из семьи алкашей. Константин подумал, что многие сослуживцы полковника Гордиевского, представляясь мальчику, вероятно, говорили именно так, как он. Только их знакомство с самим Горкой продолжения не имело. А был налицо простой акт обычного обывательского любопытства. Иначе отчего бы у парнишки в благодетелях оказался отставной майор Гнедышев, та еще гнида интендантская.

– Я на Юга собрался, Горка. К морю. Вот заехал за тобой, – сказал Лавров так спокойно и уверенно, как будто не в эту минуту, а давным- давно так решил. И только поэтому принял приглашение майора посмотреть его «бунгало» за городом. – Поедешь?

Мальчик с места не сдвинулся, позы не переменил. Только тонкие в ниточку брови приподнялись, распахнулись глаза, и стало ясно, что они серые отцовские.

– Поеду, – ответил он, наконец, после паузы и посмотрел вниз на приятеля.

Тот сидел на полу, согнув колени и опираясь на отведенные за спину руки. Глаза и рот его были широко раскрыты.

– Ну, тогда собирай, солдат, свой «сидор». Одежды не надо. Игрушку любимую... книжку... Я сейчас вернусь.

Доктор Добжанский, сидя за рулем, уже просматривал последнюю страницу «Известий», когда Константин рывком распахнул заднюю дверцу и помог худенькому длинноногому парнишке устроиться на сидении.

– Рудька, – сказал он решительно. – Горка едет с нами в Морское.

– Понятно, – невозмутимо ответил доктор, аккуратно складывая газету. – Майора об этом ты поставил в известность?

– «Посадил», – хмуро ответил Лавров.

Несколько минут прошло в полном молчании. Крепкий коренастый Константин откинулся на спинку сиденья и, вздернув волевым подбородком с ямочкой, смотрел через лобовое стекло куда-то вдаль немигающим взглядом. Доктор Добжанский, с бессловесным укором глядящий на спутника своими немного выпуклыми шоколадными глазами, первым нарушил тишину.

– Спасибо, что не «положил», – ядовито сказал он и, спустя минуту,

добавил тоном, не допускающим возражений. – Ждите меня и общайтесь, не выходя из машины.

После этого доктор открыл дверцу, аккуратно выставил наружу длинные ноги в модных светлых туфлях, низко нагнул коротко остриженную ярко-рыжую высоколобую голову и, ступив на землю, первым делом проверил не съехал ли набок аккуратный узел темно-серого галстука с легкой крас-

ной искрой, который оттенял белизну рубахи с подвернутыми до локтей рукавами.

Первым нарушил молчание Лавров.

– Слушай, – круто разворачиваясь, обратился он к мальчику. – давай познакомимся поближе. Запомнил, как меня зовут?

– Да. Константин Николаевич.

– Вообще- то, лучше бы не так официально. Может, дядя Костя?

– Хорошо, – ответил мальчишка со взрослой снисходительностью в голосе. – Вы с папой в одной части служили?

– Да нет, – сказал Константин, принимая прежнюю позу спиной к Горке и вздыхая. – Не служил. Я – военный инженер- строитель. А он – тот самый «комбат- батяня». Но так случилось, что мы с ним на больших учениях вместе были. И за это время много чего пережили.

Помолчали.

Лавров снова повернулся к Горке лицом:

– Отец твой был намного старше меня. Это у мамы ты ранний ребенок, а

для него – и сын, и внук. Представить себе нельзя, как он тобой дорожил.

Помолчали.

– А после учений этих вы с ним еще встречались?

– Да нет. Я же в своём строительном ските сиднем сидел. В общем, в городе режимном. О том, что с родными твоими

случилось, я только дня три назад, как узнал.

– А кто это за рулём был?

– Ну да... Прости... Не успел вас познакомить. Брат мой это. Рудольф Янович Добжанский. Военный врач. Был, как и я полковником, а теперь вот – «невольно наемный».

– Брат?! – удивился Горка.

– Понятно... фамилия другая... и все такое... Троюродный брат. Что-то в этом роде. Но мы вместе росли. У меня ближе человека нет. А у тебя хотя бы со стороны матери родственники есть?

– Из Беларуси кто-то приезжал. Только я даже имен их не запомнил. Женщина очень пожилая и мужчина на костылях. Они со мной почти не говорили. Узнали что-то про комнату и уехали.

– Тебя сразу в интернат определили?

– Нет. Я в папиной части недолго пробыл. У коменданта в общежитии. Вообще-то там с детьми никто не жил. Говорили плохая экология. А потом за мной приехал майор Гнедышев. Сказал, что ему поручено обо всем позаботиться.

– Ну, где мне жить, учиться.

– О чем «обо всем»?

– У вас с мамой отдельная квартира была?

– Нет. Комната в коммуналке. Правда большая. И одна соседка – тетя Броня. Добрая. Она своего кота Барсика на поводке гулять водила. Боялась, чтоб не обидели.

– Ты бываешь там?

– Нет. Я оттуда книгу любимую взял. Фотографии. И меня сразу увезли. Сперва почему- то в больницу, а потом – в интернат. Не тот, в котором я сейчас. В другой. А теперь майор говорит, что туда нельзя. Там другие люди живут.

– Сколько тебе было, когда это случилось?

– Восемь.

– Значит теперь одиннадцать. Ладно, «Горка ибн Николай». Что- то наш миротворец задерживается. Кстати, знаешь, из какой книги, вот это: «ибн»?

– Нет.

– «Старик Хоттабыч».* Я в детстве ее любил. А твоя любимая, книга, которую ты из дома взял, как называется?

– «Рольф в лесах». Сетона- Томпсона. Последний папин подарок.

– Н- да- а- а! – протянул Лавров после паузы. – Такое вот совпадение... Мы эту книгу с твоим отцом вместе выбирали. Я еще расстроился, что не было в магазине «Маленьких дикарей». Тоже Сетона- Томпсона. Мы с Рудиком каждое лето в этих дикарей играли, когда у деда в совхозе жили.

Машина вдруг чуть качнулась. Кто- то нажал на крышку багажника.

– Ну, вот, и сам Рудольф Янович. Легок на помине.

Доктор молча занял свое место за рулем и повернул ключ зажигания.

– «Пациент скорее» что? – с тревожными нотами в голосе

спросил Лавров.

– «Жив». Ты мне еще в ножки должен поклониться! Ведь мне сюда, вполне вероятно, еще не раз придется приезжать.

– Брось, Рудька! Я его не трогал! Но сказать – сказал!

– «Дон- Кихот Арзамасский». Кстати, ты бы хоть представил нас.

– Ну, прости. О тебе я уже рассказал, а это – Гора Гордиевский.

Доктор Добжанский, оставив левую руку на руле, развернулся вправо и

внимательно посмотрел на Горку усталыми воловьими глазами.

– Будем знакомы...

Горка молча кивнул и, засмутившись, вжался в спинку сиденья.

Довольно долго ехали в полном молчании. Потом доктор притормозил у супермаркета.

– Вот что, ребята. Вам – на первый этаж. Купите все, что нужно на сегодняшний день. Деньги вам дать?

– У меня карточка, – обидчиво ответил Лавров, выходя из машины. – Сумку дай.

– Пакетами обойдетесь. Сумка мне самому нужна. Я на второй этаж загляну. Если возвратитесь раньше меня, подождете во- о- н там. В скверике.

А скажите мне, молодой человек, какой у вас размер ноги?

– Тридцать шестой... – ответил удивленный Горка с некоторым сомнением в голосе и осторожно захлопнул дверцу Вольво.

– А росту в Вас, я полагаю, – чуть больше полутора метров, – с нарочитой вежливостью продолжил Добжанский.

Горка только плечами пожал.

Через полчаса прихрамывающий Лавров и Горка возвратились к машине с двумя пакетами, куда попало все, что полковник посчитал необходимым для приготовления обеда и ужина. Доктора пришлось довольно долго ожидать на скамейке.

Рудольф Янович покупок своих не продемонстрировал, а застегнутую спортивную сумку поставил в багажник рядом с пакетами.

Во время езды спутники Горки о чем-то негромко разговаривали, но он к ним не прислушивался. После того, как не стало родителей, кто-то чужой постоянно решал за него, где ему жить, что надевать и что есть. Обычно это делалось в приказной форме. А если и предлагался выбор, то давали ясно понять, каким он должен быть. Вот и теперь, когда ему предложили поехать к морю, то, наверное, были абсолютно уверены, что он скажет «да». Конечно он скажет «да»!

Кто бы отказался?! Только непонятно, зачем ему рассказывают какие-то сказки?! Рыжий, тот и посмеяться может, но этот- дядя Костя – вроде бы говорил на полном серьёзе.

Такой наивный, что ли. Так лучше бы помолчал.

Обещали уже ему это самое «синее море»!

Последние два года, когда все было еще так обычно, они жили, как мама

говорила, «на два дома». Горка с мамой переехали в столицу, а папина военная часть была от этого города за тысячи верст. Мама лечила больные почки в особом столичном Центре, где время от времени ее подключали к специальному аппарату и «чистили кровь». Когда Горка слышал об этом, то пугался. Он представлял «аппарат» чем-то вроде механического паука – кровопийцы. Но маму об этом не спрашивал.

В последнее лето маме стала чувствовать себя лучше. Она повеселела, договорилась с тетей Броней, чтобы та присмотрела за Горкой, а сама решила сделать отцу сюрприз, поехать к нему за Урал, чтобы вместе отметить десятый юбилей их свадьбы. Горке она обещала возвратиться вместе с папой и потом втроем отправиться «к самому синему морю». Отправились...

Доктор Добжанский припарковал машину во дворе мрачного темно-серого пятиэтажного дома. В маленьком дворе, сплошь заставленном машинами, росли высокие клены – по одному напротив каждого подъезда. Некоторые едва не касались ветками крыши. Когда подошли поближе, Горка увидел, что стены здания были составлены из больших шерша-

вых прямоугольников, как из кирпичей. Маленькие тяжелые балконы походили не то на ласточкины гнезда, не то на бойницы.

Заметив, что Горка с любопытством осматривает дом, Лавров объяснил:

– Довоенный. Крепость. Но внутри всё вполне по барски. Здесь большие чиновники жили. Таких зданий немного осталось.

Квартира оказалась на последнем этаже. Всего на площадке было две двери. Обе современные железные с двумя замками и красивыми металлическими ручками.

Первым порог квартиры переступил доктор Добжанский, за ним Горка и Константин. И сразу оказались в длинном и широком коридоре, по которому запросто можно было бы кататься на трехколесном велосипеде. В овальном зеркале напротив двери отразились два озабоченных мужских лица и одно детское с широко открытыми от любопытства глазами. Ими Горка сразу же зацепился за игрушечный парусник на полке небольшого напольного шкафчика со старым телефоном, на котором вместо кнопок был круглый диск с цифрами. Судя по пропорциям и косым парусам, – это была шхуна. Не прогулочная яхта, а именно шхуна, пригодная для дальних странствий.

Заметив, что спутники снимают обувь, Горка тоже принялся стряхивать с себя вьетнамки, не отрывая при этом

взгляда от замечательного корабля.

– Что? Понравилась «Алоиза»? – с улыбкой сказал Лавров. – Ну, так бери. Владей. Будешь на море учить ее плавать. Она давно по капитану скучает.

Горка еще пару секунд выжидательно смотрел на Константина, а потом неуверенно протянул руки к кораблику, осторожно охватил пальцами округлое лакированное днище и стал внимательно осматривать шхунку, начиная от треснувшего киля до грязноватых парусов, прикрепленных к мачтам нитками разных цветов

– Коська, – начальственным тоном сказал Лаврову доктор, – возьми сумку и идите осваивайте с мальчиком «колыбельку». Я переночую в гостиной: мне на дежурство утром. А ты устраивайся в кабинете. Пока я с обедом буду возиться, пусть Гарик примерит то, что в сумке.

– Горка, – поправил Константин

– Хорошо- хорошо, Горка. А какое все же полное имя?

– Игорь, – негромко ответил Горка, с некоторой робостью глядя на строгого доктора.

Про себя подумал, что мама и папа звали его – «Горкой», ребята в школе – «Гошей», а в интернате – «Гуней». Но промолчал, конечно.

После этого уточнения случилось так, что Лавров всегда стал называть его Горкой, а Рудольф Янович – Игорем.

В небольшой комнате с одним трехстворчатым окном и высокими потолкам мебели было мало и царил прямо- та-

ки военный порядок. Кровать аккуратно заправлена пледом. На небольшом письменном столе ничего, кроме письменного прибора с несколькими ручками и ножницами. Маленькая настольная лампа была похожа на человечка в зеленой шляпе, сдвинутой набекрень. Подвесные книжные полки. Пустые. Старый шкаф для одежды с какими-то зарубками на боковинах И все.

– Та- а- к... – протянул Лавров, разглядывая содержимое сумки. – Тут разве что фрака не хватает. Давай, Горка, примеряй.

Из сумки на кровать полетели джинсы, шорты, футболка – в общем все, что требуется мальчику, который оказался среди взрослых без собственных вещей.

Горка посмотрел на всю эту экипировку и сделал шаг назад.

Лавров взял в руки джинсы. Посмотрел на Горку выжидательно, потом сказал:

– Ясно. Я тоже этой возни с тряпками не люблю. Давай просто прикинем к тебе и посмотрим, какой глазомер у нашего Доктора.

– Похоже угадал. Длинноваты только.

Повернул мальчика к себе спиной, приложил к плечам футболку.

– С этим в точку. С остальным разберешься по мере необходимости.

Теперь поможешь мне отсюда в кабинет перебраться. Я

постель перенесу, а ты вези за мной чемодан. Вон, у двери стоит.

Константин свернул валиком постель вместе с подушкой, и через вторую дверь справа от стола направился в большую комнату, которую Горка определил как гостиную. А из нее в ту, где стояли два больших книжных шкафа с россыпью беспорядочно лежащих книг, громоздкий письменный стол, красивый трехстворчатый шкаф и большой диван. Эта комната казалась вполне обжитой. На письменном столе лежали какие-то журналы, папки с бумагами и стоял пустой стакан в подстаканнике в виде трех богатырей, держащих круговую оборону. В глубине шкафа сквозь узкое узорчатое стекло в центре виднелась какая-то одежда.

Лавров пристроил постель на кожаном кресле у стола. Сказал:

– Приехали. В этой квартире Рудькины родственники жили. Старшего поколения уже давно нет, а младшее «далече». И знаешь где?! В Новой Зеландии. Вот какое время наступило. Мы с Рудиком об этой Зеландии только от Паганеля узнали. А теперь там Феликс и его чада сок на фазенде распивают из собственных апельсинов, на вулканы любят.

– А почему та комната, где Вы спали, «колыбелька»?

– Ну, дети там обитали. Фелька, потом дочка его Милочка. Рудик только недавно в права наследства вступил. У него еще одна квартира есть, недалеко от госпиталя. Там он после дежурства отлеживается.

До того, как Рудольф Добжанский не позвал Лаврова и Игоря к столу, каждый из них занимался своим делом. Константин разбирался со своими вещами, а Горка учил плавать шхунку по старому дубовому паркету.

Еда, приготовленная доктором, была простой: картошка, помидоры, колбаса и масло в масленке с крышкой. Но замечательно было то, что ты сам мог взять, что и сколько хотел. Как когда-то дома. Только картошку Рудольф Янович раскладывал по тарелкам один, но спрашивал у каждого:

– Хватит? Или еще?

А вот чай пили, как в праздник. С тортом и конфетами. Среди них были любимые Горкой «Коровки» только в необычной обертке. Лавров попробовал одну и сказал:

– «Коровка косолапая». С вафлями. Никогда такой не пробовал.

Горка не выдержал, фыркнул и тут же поперхнулся, закашлялся и стал задыхаться. Константин подхватился и принялся стучать ладонью по его спине. Но Доктор резко встал и сказал:

– Убери лапищу, Коська.

Потом он обхватил Горку сзади длинными руками, наклонил и надавил где-то вверху живота. Горка невольно сильно выдохнул и успокоился.

«Как будто я котенок», – подумал Горка, глядя как рыжий Доктор с невозмутимым лицом уселся на свое место и принялся допивать чай.

До ужина каждый занимался своими делами. Рудольф Янович принес Горке две большие, но тонкие книги: «Подвиги Геракла» и «Гулливер в стране лилипутов».

– Вот, – сказал доктор, протягивая книги. – Все книжное наследство Милочки. Горка принялся рассматривать книжки той девочки, которая где-то в другом полушарии пила сок из апельсинов. Рудольф Янович уселся в гостиной перед телевизором и стал слушать две головы из передачи «Совершенно секретно». А Константин Лавров почти весь вечер провел в телефонных переговорах, изредка забегая в «колыбельку», чтобы спросить Горку:

– Ну, ты как? Не скучаешь?

Горка сидел за столом, рассматривая картинки, и каждый раз, отрываясь от книги, мотал головой и отвечал:

– Не-а!

Ужинов, было целых три. Пока не доели торт. А в десять часов Лавров принес в «колыбельку» чистые простыни, подушку, легкое одеяло, все в слонах и жирафах, и предложил Горке пойти в ванную, принять душ.

– Дал мальчику, во что переодеться? – спросил Константин доктор, ставя в сушилку вымытые тарелки.

– Дал, разумеется... – ответил Лавров и вдруг осекся. – Полотенце забыл!

Сказал и исчез в коридоре.

Когда он появился у двери ванной с полотенцем в руках,

там уже стоял его брат.

– Дай мне! – сказал он в приказном тоне.

– Что? – переспросил Константин

– Полотенце дай мне!

– Зачем?!!

– Иди в кухню. Там поговорим, – и буквально вырвал полотенце у Лаврова.

Затем доктор, приоткрыв дверь, просунул в щель руку с полотенцем, не заглядывая внутрь, накинул его на крючок и сказал:

– Игорь, это для тебя.

Лавров после этой сцены круто развернулся и направился в кухню.

– Это что еще за номер, Рудька? – спросил он раздраженно. – Что за секретные

переговоры? Да еще на кухне?!

– Потому что здесь слышно, когда мальчик будет выходить из ванной.

– Это что – сериал «Дети шпионов»?!! – взвился Константин.

– Успокойся! Вот скажи: что ты об этом мальчике знаешь?!!

– Что я знаю?!!! Он сын Николая Ивановича! Этого мало?!

– Представь – мало. И не ори, пожалуйста. Ты хоть знал его отца, а он о тебе даже не слышал. А вот о том, что со

взрослыми мужиками нужно быть осторожными за три года в интернате весьма осведомлен.

– Ты о чем?!! Я что – разносчик бубонной чумы, холерных вибрионов или поросячьего гриппа?!!

– Ты – дикарь! Все СМИ только и обсуждают тему защиты детей от любителей наслаждений, догадайся какого толка!

– Рудька! Я тебе врежу! Мы здесь вдвоем, и ты смеешь говорить мне такие гадости?!

– Смею! Потому что мне ногу твою спасти нужно!

– Так это моя нога вызывает у тебя такое странное подозрение?!!

– Уймись и слушай! Ты, осел упрямый, пообещал мальчишке взять его с собой. Если это и возможно, то нужно будет оформлять целую тонну документов. Во всяком случае, доверенность от твоего Гнедышева – это точно. А поскольку ты Игорю человек совершенно посторонний, то никто тебе ребенка не доверит. И потому документ, в лучшем случае, если и будет составляться, то на меня как врача. И я должен предусмотреть все возможные риски. Их, я тебя уверяю, очень много, а самая главная – ты с твоим первобытным невежеством относительно существующих законов и общественного мнения.

Лавров, шумно вздохнув, отошел к столу, с грохотом выдвинул стул, сел и отвернувшись от брата, стал смотреть в окно невидящими глазами. Рудольф собрался было продолжить свой монолог, но услышал шум в коридоре и поспешил

туда.

– Пижама подошла?– спросил Добжанский мальчика.

– Да,– ответил мальчик шепотом, прижимая к груди мокрую шхунку.

Выходя из «колыбельки», где Горка уже натягивал на себя одеяло с африканским пейзажем, Добжанский столкнулся с братом.

– Ты куда?! – спросил доктор, пытаясь прикрыть за собой дверь. Константин отвел его руку и твердо произнес

– К ребенку.

Добжанский опустил глаза, посторонился.

Константин, заметно прихрамывая, добрался до Горки и уселся на кровати.

– Почитать тебе? – спросил будничным голосом, опираясь на стену и растирая левой рукой колено. – Может про Геракла?

– – Нет, – ответил Горка после небольшой паузы.– А Вы можете рассказать про этих... «маленьких дикарей»?

– Нет, пожалуй, – сказал Константин.– Эту книгу самому читать нужно. Не торопясь. Страницу за страницей. В деревне или на даче.

– А потом лук сделать и шалаш построить... как у них.... – прибавил он мечтательно. – А тебе что нравится?

– Сказки, – тихо ответил Горка. – Волшебные. Про эльфов и хоббитов...

– А- а- а. Хочешь быть, как этот... Бильбо? Или Гэн-

дальф?

Горка не отозвался.

– А я мечтал быть таким как Сайрес Смит из «Таинственного острова». Читал Жюль Верна? Впрочем, вы же больше зрители, чем читатели.

– – Я фильм смотрел «Дети капитана Гранта». Там было написано «по мотивам романа Жюль Верна».

– Ну да. По мотивам... Знаешь, если бы я в твои годы фильмы об эльфах и хоббитах смотрел или сказки такие читал, тоже, наверное, бы ими увлекался. А может и не очень. Мне почему Сайрес Смит так нравился? Вот попали пять человек на необитаемый остров. В тысяча восемьсот каком-то году. Ни палочек волшебных у них нет, ни мечей заколдованных, ни скатерти-самобранки – ничего. В дикарей они бы, я полагаю, не превратились,

но голодать и мерзнуть им бы пришлось долго. Один из них был журналистом, другой – моряком, третий – слугой. И мальчик с ними там оказался. Все горожане. Телеграфом умели пользоваться, электрическими лампами и все такое. Но в готовом виде. А инженер Сайрес Смит – тот знал и как пользоваться, и как сделать: посуду, порох, железо из руды выплавить, электричество провести и даже фотоаппарат смастерить. Между прочим, фамилия Смит – это по нашему «Кузнецов». Кузнец раньше считался кем-то вроде колдуна. С открытым огнём дело имел, твёрдый металл в воск

превращал. Я когда прочитал эту книгу, так сразу и решил для себя – буду инженером.

– Но вы же полковник!

– Ну и что. Полковники тоже бывают инженерами. И работают, между прочим, не только на войну...

– А как те люди на острове оказались?

– Случилось это в Америке двести лет назад во время Гражданской войны. Север сражался с Югом за освобождение негров от рабства.

Пятеро американцев-северян попытались на воздушном шаре бежать из плена. А тут ураган, он и занес их на Таинственный остров. Кстати, ты знаешь, кто сейчас президент в Америке?

Горка кивнул.

– Да. Барак Обама

– – Первый чернокожий президент всех штатов – и северных, и южных. Такой вот исход той Гражданской войны, парень.

Когда доктор Добжанский, выключив телевизор, заглянул в «колыбельку», он увидел, что мальчик уже спит, положив под голову сложенные лодочкой ладошки. А в ногах у него, прислонившись к стенке, сидя дремлет полковник Лавров. Рудольф Янович вздохнул и без церемоний потряс брата за плечо.

– Отбой!

Утром, уходя на дежурство доктор оставил брату записку: «Будь дома. Днем позвоню. Нужно кое- что уточнить у мальчика».

В два часа, едва отдохнув после операции, он попытался связаться с Лавровым, но ни городской, ни мобильный телефоны не отвечали. Потом аппарат в ординаторской был восстановлен коллегами, а собственный «сообщил», что его аккумулятор разрядился.

– Варвара, – с досадой сказал Рудольф Янович дежурной сестре, – я в кардиологию. А ты поставь, пожалуйста, мой мобильник на зарядку. Если мне будут звонить, скажешь, что буду часа через полтора. И вот еще: что за халат на тебе?! Ты что, носила его в дошкольном возрасте?!

– Так жарко же, Рудольф Янович! Вот поставят кондиционер, так я халаты «в пол» буду надевать.

Добжанский вздохнул и сказал с укоризной:

– Ну, вот объясни, Варвара, у тебя в седьмой все лежачие, и между койками не развернешься. Так как же ты там выкручиваешься со шприцем в руке? Приседаешь, что ли.

– Вот еще проблема! У них, между прочим, в мое дежурство и температура ниже, и аппетит лучше. А вот если бы Сталина Октябрьевна в таком халате явилась уколы делать, так они бы точно в реанимацию попали. По второму разу.

Рудольф Янович махнул рукой и, устало передвигая ногами, медленно пошел к лифту в конце коридора.

Когда в шестом часу он услышал, наконец, Костино

«Пронто», то, нарушая правила интеллигентного общения, не поздоровался, а раздраженно спросил:

– Где тебя носит целый день?! Я же просил из дома не отлучаться! Мне мальчик в любую минуту может понадобиться! И ходить тебе положено не более часа в день!

– Ладно тебе, Рудька! Мы в «Книжный» ходили. Вернее в прежний «Книжный», где мы Милке игрушки всякие покупали. Помнишь, там же был такой отдел. А теперь от магазина и половины не осталось, остальное – пивной бар «Колбасофф». Бред какой-то.

– Ну, и зачем ты туда потащился?

– Так надо же было парню что-то купить для развлечения. У него же с собой ни одной игрушки.

– Дал бы ему поиграть в какую-нибудь стрелялку на своем ноутбуке.

– Я предлагал. Но он как-то не очень. Стесняется, наверное. Мы «Лего» купили. «Дорожные машины». Маленькие наборы. «Дупло». Для малышей. Но он здорово увлекся. Ты вот что, если завтра приедешь, купи по дороге что-нибудь покруче. Здесь выбора не было.

– Я завтра могу и не приехать. Может ты забыл, что у меня и без твоего малолетнего приятеля дел хватает?!

– Ладно, доктор, не заводитесь. Вообще-то, мы еще немного во дворе посидели. И я честно пытался тебе оттуда дозвониться, но твой мобильник несколько раз вежливо передо мной извинялся на безупречном английском.

Добжанский появился на третий день. Привез пакет с «Лего», но вручил его не Горке, а брату. Это не прошло незамеченным, и, получив конструктор в свое распоряжение, Горка какое-то время не решался им заняться.

При «Рыжем», как Горка называл врача про себя, отношения между всеми становились натянутыми. Добжанский в присутствии Игоря говорил загадками, Константин не спускал глаз с брата и мальчишки, готовый в любую минуту одного урезонить, другого – защитить. А Горка превращался в некую угловатую конструкцию из локтей и коленок, на все вопросы и предложения отвечал односложно, глаз не поднимал и старался уединиться в «колыбельке».

На следующее утро Игорь обнаружил, что доктор уехал, обрадовался и перестал быть похожим на деревянную игрушку. Лавров заметил это и огорчился. Ему хотелось, чтобы Горка поскорее узнал, какой Рудька добрый и верный, но он понимал, что словами тут ничего не докажешь.

День выдался сумрачный и дождливый. На деревянных спицах свежеекрашенных грибков детской площадки находившиеся сидели взъерошенные голуби.

– Горка, – спросил Лавров. – Хочешь посмотреть мультики? Ты какие любишь?

Игорь пожал плечами, сказал равнодушно:

– Разные...

– Ну, садись за ноутбук, вспоминай названия.

Горка присел на краешек стула, посмотрел на экран, потом вопросительно на Константина.

– Показать как? Или сумеешь?– спросил Лавров.

– Не надо, я сам, – ответил и быстро забегал пальцами по клавиатуре.

Зазвучала нежная японская мелодия. Константин посмотрел через плечо мальчика и прочитал «Ходячий замок». Убедившись, что Игорю не в новинку пользоваться компьютером, Лавров отправился в гостиную и устроился на диване с очередным томом любимой серии детективов «Лекарство от скуки»*.

Когда фильм закончился, Горка выглянул из-за дверей, спросил: – Выключать?

– А тебе что, надоело?

– Нет.

– Тогда смотри, сколько захочешь.

Игорь вернулся к ноутбуку, опустил на стул, посидел немного, не поднимая рук с колен, потом опять бегло разыграл пассаж на клавиатуре.

Часа через полтора, оторвавшись от размышлений «Докторе Гвидо» по поводу очередного преступления в Венеции, Лавров отложил книгу, помассировал колено и с трудом поднялся на ноги.

Услышав шаги, мальчик вздрогнул и оторвался от экрана.

– Вам нужен комп?

– Нет- нет! Но, может, пойдём попьём чаю? А потом займешься, чем хочешь.

Чай пили молча.

Поглядывая на Игоря, Лавров видел тонкую жилку, дрожащую на виске мальчика голубой змейкой, болячки в уголках нежно розовых губ, ссадины на костяшках худых пальцев. Усилием воли он сдерживал в себе желание сейчас, сию минуту дать понять этому хрупкому беззащитному ребенку, что теперь он в безопасности. Ну, не словами, а просто обнять, что ли, как это делал их с Рудькой дед. Но после нравов учений брата уже не мог. Сидел и злился на Рудольфа, отравившего его всеми этими гнусными предвидениями обвинений

в ... Даже про себя невозможно было произнести это слово!

– Ты что же, только японское анимэ любишь? А как же Дисней и наши мультики? – презирая себя за фальшиво доверительную интонацию, нарушил молчание Константин.

– Мне разные нравятся, – ответил Игорь, явно не стремясь продолжить разговор.

– Ну, ладно. Если хочешь, иди смотри свои «разные», – продолжил Лавров, убирая со стола посуду и не ожидая ответа. А потом прибавил:

– Странно все же, что в японских мультиках все герои с одинаковыми глазами. Да еще размером с блюдце.

– И совсем не с одинаковыми, – с неожиданной запальчи-

востью ответил Игорь, но тут же осекся и отвел глаза.

– Наверное, ты прав, – после небольшой паузы примири-тельно сказал Константин. – Я, собственно, ни один их мульт-ик до конца не досмотрел. Не цепляют они меня как-то.

И вдруг застыл с чашкой в руке.

– Нет! «Проклятый корабль»! Это же был японский фильм! Я смотрел его два раза в городском кинотеатре! Рудьке было тринадцать, а мне, значит, восемь. О, я здорово тогда напугался. В первом же кадре ЧЕРЕП! Зубами лязгает! А потом Призрак-скелет и робот великанский прямо по домам шагает. Раз-два и нет города! Ты его смотрел?

– Не-ет, – протянул Горка. – Это фильм Миядзаки?

– Кто это такой? Миядзаки.

– Аниматор японский.

– Слушай, найди этот фильм. Вместе посмотрим. Пони-маешь, для меня тогда мульт-ик – это зайчики всякие, птич-ки, «Ну, погоди!». А тут история такая страшная. Такими меня Родька пугал, на ночь глядя. «Отдай мою черную- чер-ную руку...» и все такое.

Лавров устроился рядом с Игорем и не отрывал глаз от экрана. Горка посматривал на него искоса и улыбался.

– Не страшно? – время от времени спрашивал его Кон-стантин.

– Нет, конечно!

– Ну, я скажу, закаленный вы народ, дети двадцать перво-

го века! Я, конечно, тоже сейчас смотрю на все спокойно. Но в твоём возрасте спать от страха не мог. Родька ещё в простыню закутается и : «Ха- Ха- Ха! Я Капитан- Призрак!» Но что удивительно, бояться я боялся, но все- таки упросил деда свозить нас в город, чтобы ещё раз этот фильм посмотреть.

– Здесь вообще нет нечего страшного. Графика старая, спец эффекты примитивные! И сюжет для малышей! Давайте я вам современные фильмы покажу. Вы увидите, что там у всех глаза разные. И по глазам легко можно узнать, добрый герой или злой. И ещё по цвету волос.

Битый час Лавров пытался постигнуть тайное очарование японских мультиков, но в конце- концов сдался.

– Слушай, найди мне «Кота- Леопольда», что ли. Устал я от этого «мозгового штурма».

– Ну, этот мультик я тоже люблю. А может вам про Серую шейку? – сказал Горка, сдерживая улыбку.

– Насмешничаешь над старым больным человеком, – ответил Лавров, отвешивая мальчишке легкий подзатыльник. Горка отклонился, впервые улыбаясь уголками губ.

После обеда позвонил доктор, позвал к телефону Игоря, спрашивал какие- то фамилии и имена, велел под дождь не выходить.

Лавров в недрах книжного шкафа нашел старое лото с цифрами на бочоночках. Предложил сыграть. Оба были настроены на победу, выхватывали друг у друга фишки, кричали победно: «Моя!»

В отсутствии доктора Добжанского оба чувствовали себя детьми, которые остались дома одни без взрослых.

Потом Лавров устроился на диване, положив под больную ногу подушку, а Игорь вдруг загрустил, уселся у него в ногах, опустив голову и зажав сложенные ладошки худыми коленями.

– О чем задумался, отрок? – спросил Константин.

– Дядя Костя, – сказал Горка, – а Вы знаете, что у обычных людей, русских или там французов, рождаются японские дети. С такими узкими глазами.

Лавров насторожился.

– То есть, что ты имеешь в виду? Мама русская, а отец японец, и все дети похожи на отца?

– Нет, они оба русские, а дети на японцев похожи. Их даунятами* зовут

Лавров начинал понимать.

– Ты знаком с такими детьми?

– Да, со мной в интернате живет Лёка. Алеша Саторнин. Он меня Гуней зовет. И еще один мальчик, Витя. Они похожи как братья. Лёка меня очень любит, всегда радуется, когда я после продленки возвращаюсь. Он очень сильный и так меня обнимает, что кажется задушит. Наша нянечка Надя просто отдирает его от меня. А вообще он очень добрый.

– У него нет родителей?

– Есть. Только они с его сестрой в другом городе живут. А здесь бабушка Лиза. Она к нему каждое воскресенье при-

ходит и приносит блинчики с вареньем. Лёка умеет читать и рисовать любит. И стихи знает. А Витя только в интернате научился цвета различать, хотя ему уже семь лет. Но он тоже добрый. Нянечка говорит, что у них генетическая особенность и такие дети долго не живут. Это правда? Я бы хотел, чтобы они жили долго. Чтобы всему научиться, а то над ними многие смеются.

Лавров слушал, затаив дыхание и старался не шевелиться, как если бы к нему на ладонь села доверчивая дикая пичуга, и он боялся её спугнуть.

Горка вдруг повернул к нему голову :

– Знаете, дядя Костя, мне однажды ночью мама приснилась, и я во сне обрадовался, подумал, что все неправда – вот же она, живая. А открыл глаза , увидел, где я, и заплакал. Я первый раз тогда заплакал. Уже зимой. Так Лёка услышал и стал меня блинчиком кормить, в рот заталкивать, как это бабушка его делает.

– А я часто плакал, когда родители оставили меня у деда, – после паузы отозвался Лавров. – Отца на самую южную границу отправили. Там школы не было. А мне нужно было в первый класс идти. Вечером сели за стол, я смотрю: Дед огромный такой, бородатый, и большой мальчик, рыжий. А мамы нет. Убежал в другую комнату, упал на кровать и стал рыдать. Так и уснул.

– А где теперь ваши родители?

– Их нет уже давно. Эпидемия в тех местах была. Сибирская язва. Мама первая заболела. Она была фельдшером. А потом папа.

– – Когда вы в первом классе были?

– – Во втором. Тосковал ужасно. Хотя с Дедом и Рудькой мне здорово повезло. Дед в школе учителем труда был. Золотые руки. Мебель дома всю сам сделал, половину села оконными рамами одарил бесплатно. И в школе, куда не посмотришь, – всё Дед смастерил. Шкафы для учебных пособий, и сами пособия. Он многих учителей заменял, если те болели: и математиком был, и географом, и русский преподавал. Когда арифметику в первых классах объяснял, ставил на стол деревянные паровозики, машинки, самолетики, чтобы все наглядно было. Он для всех был Дедушка Калина Минаявич.

– А... а доктор тоже с вами жил?

– Ну да. Но у него другая история. Разъехались его родные, и у них появились другие семьи, а потом и дети. Они Рудика звали каждый к себе, но он к ним не поехал. Остался с Дедом. Ему – помощником, а мне – нянькой.

Мы интересно жили. У Деда телескоп был. Картами все стены обвешаны: и обычными, и астрономическими. Бинокль, барометр, флюгер. Дед в толстой такой тетради записывал свои наблюдения за природой, погодой. Закинет за плечо двухстволку, повесит на шею бинокль и в лес. Нет, не охотиться, а наблюдать за всяким зверьем. А ружье, чтобы

лишних разговоров в селе не было. Там как, если на охоту, то дело стоящее. А наблюдения всякие – баловство. Хорошо, у Деда знакомый егерь был, дядя Макар. Он нет- нет да и приносил ему потихоньку какую-нибудь мелкую дичь для поддержания престижа.

Горка слушал, вытянув шею и широко открыв глаза.

– Ты давай залезай на диван, устраивайся, – предложил Лавров, сдвигаясь к краю.

И опять доктор Добжанский, придя домой в десятом часу, попал в сонное царство.

На диване с книгой на груди спал брат, а уткнувшись в его плечо посапывал остриженный под ноль худой мальчишка.

Рудольф Янович перенес мальчика на кровать, разбудил и велел переодеться. Лавров проснулся сам, но встать не стал.

– Ладно, дрыхни здесь, – сердито сказал Добжанский. – Я в кабинете лягу. Завтра поговорим.

– Ну, получается что-нибудь с доверенностью? – первое, о чем Лавров спросил брата на следующее утро.

– Я тебе что – Василиса Премудрая? Ты перед Гнедышевым Змея Горыныча разыгрывал, а мне теперь убеждать его, что ты, оказывается, Бова- королевич и шлешь к нему посла с заверением в вечной дружбе? Чего ты на него взъелся, спрашивается?

– А ты знаешь, что Горкин отец Гнедышева от трибунала

спас? Недостачу за него покрыл из собственного кармана. А эта гнида парнишку до дистрофии довел!

– Ну, это твои домыслы. Корь бывает очень тяжелой. А как в областной больнице кормят – сам можешь догадаться.

– А какого... с чего он Горку отдал в интернат?

– Ну, с этим тебе тоже надо бы разобраться. Ладно, некогда мне с тобой душещипательные беседы вести. Сейчас Артур приедет, отвезет тебя к себе, сделает эхограмму.

Что за недоумение в глазах? Я же при тебе с ним договаривался. А мальчик сам дома побудет. Или ты боишься, что он пальцы в розетку будет засовывать?!

– Мальчик, а мальчик? – позвал он Игоря, ёрничая.

Горка несмело вышел из «колыбельки».

– Часа три сможешь побыть один? МЧС не надо будет вызывать?

Игорь молча остановился в дверях. Смотрел спокойно, только нижнюю губу закусил.

Когда Рыжий увел Костю, Горка сел напротив входной двери на корточки, обнял колени руками, уткнулся в них лицом. Потом вернулся в комнату. Шхунка лежала на ковре левым бортом вверх, как будто налетела на мель и опрокинулась.

– Ты почему не поел?! – огорченно сказал Лавров, включая чайник. – Я же предупредил, что могу задержаться. Ну, кашу лень было в микроволновку поставить, а бутерброды?

Хоть бы чаю выпил! Нет, так не годится. Сейчас будем обедать по полной программе, и от ужина тоже не отвертисься.

Лавров читал свой детектив за полночь. Горка тоже долго не спал, глядел на узкую полоску света под дверью и думал.

То, что ни к какому морю он не поедет, ему уже было ясно. Рыжий понял это с самого начала. А Костя... он вроде Лёки. Добрый, но очень наивный, думает, что всё по справедливости делается. Уж на что Цветана опытный директор, и то, сколько она добивалась, чтобы к себе его определить. Если бы не она, то Горка со своим «аутизмом лёгкой степени» оказался бы в спецшколе за колючей проволокой. И ни майор, никто из папиных знакомых ничего бы не сделал. Тем более, что из-за маминой болезни и переездов он занимался дома, и школьных характеристик у него не было. Ведь думали, что это не надолго.

Нет, к Косте привыкать нельзя. Будешь потом вспоминать, воображать, что могло быть, как он обещал.

А к морю он сам поедет и Цветану Петровну повезёт. После девятого пойдёт в колледж, где есть общежитие. Там стипендия и подрабатывать можно.

Нет, скорее бы в лагерь. Цветана Петровна сказала, что на время ремонта останутся только он и Витя, и будут жить в воспитательской, а обедать со всеми в школьной столовой. Городской лагерь, это, конечно, не отдых на море, но лучше, чем на даче у Гнедышевых. Там, что ни скажешь, как ни сде-

лаешь – всё не так. Дядя Макс вообще- то нормальный мужик, если сам по себе. Но остальные... Недаром сосед его спрашивает: «Ну, как там в твоём курятнике? Всё квохчут? Тебе прямую трансляцию из своей фазенды на центральный канал устроить, так ток- шоу Малахова рейтинг в момент собьешь!»

Цветана Петровна, если няня Надя за Витей приглядит, обязательно возьмет его к себе домой на выходные. Утром будить не будет, к обеду испечет яблочный пирог, поставит на стол в кухне и можешь хоть десять раз чай с ним пить. Вот захотел и пьешь!

Горка такие дни почти все время проводил на кухне, вкусно пахнувшей ванилином и корицей, как когда- то в бабушкином доме под Гродно.

У всех восьми ребят с недостатками зрения, которые обитали в частном интернате, было особенно острое обоняние. Говорили, что это бывает только у тех, кто плохо видит. Горка был исключением. Потому, когда он морщился от запаха плохо промытых ложек, повариха тетя Граня раздраженно говорила:

– Ты- то чего нос воротишь? Небось, у тебя глаз- алмаз!

Когда Игорь проснулся, то услышал негромкие голоса за стеной в гостиной и понял, что приехал Рыжий. Горка быстро оделся и на цыпочках побежал умываться. А когда уже собирался выйти из ванной, то понял, что Лавров и доктор

идут в кухню, и застыл на месте. Таился за дверью и думал про Рыжего: «Лучше с ним не встречаться! Смотрит на меня как на заразного! Может он ненадолго! Уедет в свою больницу, и не надо будет с ним разговаривать».

Голоса приближались.

– Какие еще дефекты! Выдумали тоже! Что за чушь! – раздраженно говорил Константин.

– Коська, я сам читал: «... эмоциональная сухость, за-
торможенность; аутизм в легкой форме». Так что напрасно ты на майора напустился. Коррекционный интернат – это, возможно, то, что ему было объективно необходимо. Скажи спасибо, что он «семейного типа».

«Обо мне!» – с замиранием сердца понял Горка.

Голоса стали глуше.

– Теткам показалось, он мало плакал?! Кошмары ночные ему не каждый день снились. Да? – донеслось уже из кухни.

– Ну, документы подписаны не тетками, а психологом *мужеского* пола.

– Не будь гадом, профессор! Когда ты чемодан закрывал, а дед телеграмму получил – и всё! Накрылось твое возвращение домой! Ты был без дефектов?

Что дед говорил? «Не трогайте мальчика. Потерпите. Это сейчас не Рудик, а мальчик Кай».

– Ты преувеличиваешь.

– Я- а- а?! – как- то странно закричал Лавров, и одновременно раздался грохот.

– Давай руку под холодную воду! – громко скомандовал доктор. – Ну надо же! Ты что, никогда не смотришь, есть ли в чайнике вода?!

И вдруг мягким таким голосом (Горка ушам своим не поверил, неужели это Рыжий говорит?):

– Потерпи, потерпи! Сейчас аптечку найду! Там спрей!

Под шум воды и скрип выдвигаемых ящиков Горка молнией понесся по коридору в комнату. Отдышался, уселся потурецки на кровати и застыл, напряженно прислушиваясь. Лавров и доктор долго еще оставались в кухне, но о чем они говорили разобрать было трудно.

«Психолога *мужеского* пола» Горка помнил хорошо. Он был улыбочивый с бабьим круглым лицом и весь какой-то бесформенный, как будто слепленный из сырого теста. Наверное, многим он с первого взгляда казался добрым. Но Горка видел, как психолог отбросил ногой котенка, который пытался поиграть с его ботинком. Котенок ударился о стенку, слабо мяукнул и пополз под стул. Все стало ясно. Потому на вопросы этого врача Горка просто долго не отвечал. А потом понял, что тот не отвяжется, и стал говорить «нет», не вдумываясь, о чем его спрашивают.

Когда майор оформлял какие-то документы и разговаривал с этим врачом, тот, не стесняясь Горки, сказал Гнедышеву:

– Мальчик на редкость закрытый, вряд ли он к вам привяжется, так что не сомневайтесь и отправляйте его в интер-

нат. Такими волчатами обычно беспризорники бывают, но там это во многом объясняется внешними факторами. А в данном случае имеете дело с врожденным характером. Представьте, что даже мне с моим многолетним опытом так и не удалось расположить его к себе.

К Цветане Петровне Горка попал случайно. Она до сих пор не могла успокоиться и часто повторяла, вспоминая их встречу: «И как после такого не поверить в то, что матери даже ОТТУДА помогают своим детям!»

Горке в первый год своего сиротства нередко приходилось бывать с майором в разных скучных учреждениях и подолгу сидеть в ожидании приема. Гнедышев не забывал позаботиться о еде для них обоих, но никогда не брал с собой книги: ни для себя, ни для Игоря. Приходилось часами ерзать на низких скамейках или старых разномастных стульях в душных темных коридорах.

Однажды майор отлучился покурить и оставил на стуле папку с бумагами. С каждым визитом в казенные дома папка становилась все толще, и Горка придумал, что канцелярии и приемные – это что-то вроде столовых для нее. От нечего делать он иногда сидел и представлял, как папка жуёт и облизывает всякие анкеты и заявления. В тот раз, когда Гнедышев оставил папку без присмотра, Горка не удержался, переложил её себе на колени и развязал тесемки. Целый ворох разнокалиберных бумаг тотчас радостно разлетелся из нее во все стороны. А прямо у ног Горки опустилась на ис-

тертый пол казенного заведения РОДНАЯ МАМИНА ФОТОГРАФИЯ!

– Боже мой! Миля! Миля Гордиевская! – вдруг громко сказал кто-то у него над ухом. Горка вздрогнул. Рядом с ним стояла худенькая женщина с копной темно рыжих коротко стриженных волос. Она была похожа на девочку, загримированную под старушку. И одета, как подросток, в джинсы, футболку и кеды

Перед Горкой стояла Цветана Петровна – мамина болгарская подруга по педучилищу! И проблема с интернатом была решена.

Доктор Добжанский вскоре ушел, а в колыбельку осторожно заглянул Константин:

– Встали, Ваша светлость? Тогда с добрым утром! И пожалуйста умываться и к столу! Завтрак готов!

Правая ладонь у Лаврова была аккуратно перебинтована.

– А что это у Вас? – спросил Горка, спуская ноги с кровати.

– «Пустяки, бандитская пуля», – улыбнулся Константин.– Обжегся.

Да, Горка, тут недалеко скверик есть. Там ролики напрокат можно взять. Пойдем на часик- другой?

И тут раздался звонок в дверь. Лавров пошел открывать.

«Доктор вернулся! Ключи забыл! – с досадой подумал Горка.– Ролики!!! Теперь сиди в комнате и носа за дверь не

высовывай. Ролики!»

Прислушался. Щелкнула задвижка внутренней двери. Два оборота сделал ключ от наружной...

– Банзай! – вдруг громко и радостно закричал дядя Костя.

– Кот! – загремел в ответ низкий мужской голос.

Что-то мягко упало, еще что-то упало, рассыпалось и покатилося мячиками.

Горка вздрогнул, вскочил с кровати и помчался смотреть с порога «колыбельки» на то, что там в коридоре происходит.

А там дядя Костя не то обнимался, не то боролся с крепким веселым человеком. То, что тот был веселым, Горка понял сразу. Веселым с головы до ног! От невысокого «ирокеза» из соломенных волос до крепких коротких пальцев, торчавших из сандалий во все стороны.

За последние два года – это был первый такой человек. Во время хождений по всяким конторам и комиссиям Горка встречал разных людей: серьезных и скучных, нервных и раздражительных, откровенно злых, притворно ласковых и равнодушных, добрых, но беспомощных. И почти всегда узнавал, кто есть кто, сразу же, при первом знакомстве. От каждого человека исходило что-то вроде особенного запаха, к которому Горка был чувствителен. Тот, кто обнимался с Лавровым, источал запах здоровья и веселья.

Наконец, оторвавшись друг от друга, Лавров и гость стали стали поднимать с пола упавшие пакеты. То, что рассыпалось, оказалось яблоками «белый налив».

Горка вышел в коридор и стал их собирать. На расстоянии казалось, что под тонкой кожицей яблок действительно плещется светлый сок. Но на ощупь они оказались твердыми и прохладными.

– Давай- давай, пацан, – сказал гость, – собирай и тащи на кухню. Звать тебя как?

– Игорьь.

– Молодец, Игорьь. А я дядя Вася, Вась- Васич или Васич – это по желанию. На вот еще этот пакет прихвати.

И вдруг пакет, на который указал гость, подпрыгнул и шлепнулся прямо на ноги Горке. Он испуганно отскочил.

– Проснулся, зараза! – прокомментировал дядя Вася. – Ладно, я сам возьму. Карп там. Так! Я беру картошку и всякое другое, и тащим все к плите. Зверски есть хочется. Ну, что вы копаетесь!

На кухне дядя Вася поставил пакеты с рыбой в раковину и скомандовал:

– Газеты давайте.

– Какие еще газеты? – удивился Лавров. – Я уже тысячу лет их в руки не брал!

– Ну, журнал какой-нибудь ненужный! Я же чешуей раковину засорю.

Константин только руками развел.

– Ну, интеллигенция! – вздохнул дядя Вася. – Самая читающая страна в мире!

– Возле почтовых ящиков можно рекламных газет на-

братъ, – несмело отозвался Горка. – Там есть специальное место в углу, куда их бросают.

– Молодец, парень! Беги и приноси побольше.

Когда Горка вернулся с целым ворохом одинаковых газетных листов, Лавров, раскладывая на кухонном столе помытые помидоры.

– Ну, принес? – спросил Вась- Васич нетерпеливо. Перед ним на разделочной доске лежал огромный карп и широко открывал рот. Крупная чешуя его отливала золотисто- зеленым блеском.

Горка замер.

– Газеты давай! – скомандовал гость, занося над карпом деревянный молоток. Горка попятился в коридор.

– Ещё один Махатма, – недовольно сказал Васич, опуская поднятую руку. – Этот,

в погонах, червяка жалеет, на крючок не может насадить. А ты, значит, *убивца* во мне увидел.

Он так и сказал «*убивца*». И Горка, которому действительно стало не по себе от увиденной картины, внезапно успокоился.

– Ладно, – вздохнул Вась- Васич. – Займёмся ухой, а карпик наш сладкий сам в холодильнике заснет, и мы его замороженным почистим. Ты, Кот, вот что – найди в своём хозяйстве кастрюлю литра на три. И еще мне марля нужна или бинт широкий. Что, кстати у тебя с верхней конечностью?

– Пустяки, – повторил Лавров, – бандитская пуля.

– Хорошо, с тобой потом разберёмся, но бинтом давай меня обеспечивай. А ты, поварёнок, иди сюда. Что за листья из пакета выглядывают, догадываешься?

– Крапива.

– А для чего?

– Не знаю.

– Значит с удочкой не сидел. В крапиве рыба долго свежей остается. Она мух отгоняет. Сейчас я всю флору и фауну в раковину вытрясу, и мы разберемся, что к чему.

Васич ловко перевернул пакет, и вместе с крапивой из него высыпалось, как показалось Горке, несколько серо-песочных теннисных мячиков в шипах и что-то узкое и серебристое.

– Ерши Конаковские, – сказал Васич, – и судачок. Самая что ни на есть сладкая парочка для ухи.

– Вот, – сказал Лавров, протягивая другу остатки бинта и с любопытством рассматривая рыбную живность в раковине, – этого хватит?

– Сойдёт. А ты давай вали отсюда. Мы с поварёнком сами себе полководцы, полковники нам не нужны. Ты же знаешь, когда я готовлю, на кухню никто не допускается.

– Хорошо, полководец, я тогда за хлебом схожу.

– Может пацан?

– Он не знает куда. Здесь близко, если дворами. Может еще что-нибудь купить?

– У меня в рюкзаке, как у Джимми Валентайна* в чемо-

данчике, всё с собой: и картошка, и чеснок и лаврушка с перчиком. Хромай давай отсюда!

Лавров засмеялся:

– «Узнаю брата Васю!*»

Горка остался в кухне наедине с Васичем и с интересом наблюдал за тем, как выпотрошенные, но неочищенные от чешуи скользкие ерши в искусно сделанном из бинта марлевом мешочке были опущены в кастрюлю с кипящей водой и россыпью ярко оранжевых морковных дисков. Через четверть часа Васич ершей вынул и ловко смахнул в кипящий отвар куски разделанного судака и картошку.

– Вот и всё, поварёнок. Дамы брезгуют класть в уху нечищеную рыбу. И напрасно. От клейкой чешуи ершей уха будет наваристой, а в холодильнике превратится в плотный студень. Теперь дадим судаку повариться минут двадцать, кинем пол лимона минут на пять и займемся карпиком. Давай чисти чеснок и разрежай каждую дольку вдоль на несколько частей.

Кастрюлю с готовой ухой Васич укутал полотенцем и с согласия Горки поместил под подушку на его кровати: «Пусть доходит».

Возвратившись в кухню, Васич достал из морозилки благополучно уснувшего карпа, разделал его и нашпиговал чесноком. Горка, как замороженный, смотрел на ловкие мужские руки в веснушках с коротким крепкими пальцами и едва заметной чернотой под ногтями. Они совсем не были по-

хожи на смуглые отцовские. И вообще между веселым гостем и отцом не было никакого сходства ни в чем. Но именно с Васичем Горке остро захотелось уехать и жить там, где ловятся странные колючие рыбки ерши и где для всех он был бы просто мальчиком Игорем, а не сыном- сиротой полковника Гордиевского.

– Игорь, ты что – спишь стоя? – окликнул его Васич.–
Смотри, я уже карпа в духовку определяю.

Сказал и устало опустил на стул.

– Слушай, Константин что- то задерживается. Как у него с ногой? Может не надо было его отпускать?

Горка пожал плечами.

– Ну, позволяют ему врачи по улицам самостоятельно расхаживать?

– Наверное. Мы с ним в магазин ходили и в скверик на троллейбусе ездили.

– Добро. А то я волноваться стал. Рудольф меня, честно признаюсь, застращал. Я в детстве Коськиного брата терпеть не мог. Рыжим шпионом обзывал, потому что он Константину шагу не давал ступить без себя. Но по справедливости, если мы влипали в какую-нибудь историю, Рудик нас всегда выручал.

Лавров пришел, когда стол был уже накрыт.

– Слушай, а что всё же с твоей рукой?– полюбопытствовал Васич, разливая уху по тарелкам.

– Да обжегся я здесь на кухне.

– Ну, ты даешь, огнепоклонник. Я думал тот костёр, который мы с тобой на нашем огороде устроили, – последний. Или ты на старости лет в детство впал?

– Это для тебя тот костер стал последним. Мой – в пепельнице у деда догорел, – засмеялся Константин. – Тогда во всех военных фильмах разведчики шифровки (Алекс-Юстасу) в пепельницах сжигали. Ну и в пепле от дедушкиного свидетельства о рождении только и осталось, что уголок с гербовой печатью. Я же думал, что нашел самую, что ни на есть старую ненужную бумажку. Дед, когда увидел, ничего не сказал, только за сердце схватился и вышел из комнаты. Зато Рудька так меня огрел моей же папкой с тетрадями, что я со стула свалился.

– А меня батька дрыном каким-то лупил. У них с кумом под той сорной кучей, которую мы с тобой подпалили, заначка хранилась. Мы еще с тобой удивлялись, с чего это трава так здорово горит.

– Да, – после паузы продолжил Васич, – дед Муха недавно преставился.

– Это сосед ваш, замшелый такой дед? Так ему уже лет сто, наверное, было?

Вообще, вредный был старик. Проходу от него не было, вечно ко всем придирался. Хотя, конечно, без него чего-то в нашей Сосновке убудет. Своеобразия какого-то, что ли.

– Настырный, конечно, был старик, но вообще – добрый. Знаешь, он мне маленькому трещётки из рыбьих пузырей де-

лал. Высушит пузырь, набьёт горохом – куда там теперешним погремушкам! Я бегаю с ними, ору, кур пугаю, а он сидит на лавочке, счастливый такой, и улыбается во весь свой щербатый рот.

А помнишь, как он нас спас? Ну, когда мы с тобой проверяли закон левой ноги.левой или правой? Забыл. Ну, ты сказал, что у какой-то ноги шаг короче, и, если идти прямо, все равно опишешь круг и выйдешь на то же место. Откуда начинал.

– Ну и что?! – с неожиданной обидой в голосе сказал Лавров. – Разве я был неправ?

– Кругом прав! И круг этот, по твоим расчетам, мы должны были завершить к обеду!

– Хорошо! Тут я немного ошибся.

– Немного?! Нас с фонарями искали! Если бы дед Муха не заметил, как мы в Дунькин Овраг полезли, и нас не стали бы искать в том направлении, фиг два мы бы вообще назад пришли. Еще бы немного и нас в карьер занесло. А там сам помнишь, какая круча.

– Ладно тебе. Не занесло же. И мы, как я и рассчитал, пошли дугой, – смущенно ответил Константин. И на какое-то мгновение друзья показались удивленному Горке не здоровыми дядьками, а ему, Игорю, ровесниками.

– Слушай, а почему деда Мухой звали, у них же другая фамилия была: Фадеевы или Фалалеевы.

– Может, потому что прилипчивый был, как муха. А вот

почему у моего деда неприличное прозвище было ты знаешь?

Лавров хмыкнул.

– И совсем даже не из-за того, о чем ты подумал! Его дивизию из Праги в Маньчжурию перебросили, и вернулся дед после Японской аж в сорок седьмом. Батя рассказывал, у них во дворе каждый вечер колхозное собрание проходило. Про японцев расспрашивали, как живут, что едят, как по ихнему то да сё называется. Дед отвечал. Так до «хай» и договорился. Сказал, что это, мол, выражение согласия, вроде нашего «да». Ну, сам знаешь одну букву на другую заменить – это дело техники. Народ быстро сообразил. Батяка мой (он же здоровый был, как этот боксер Валуев) свое право на христианское имя кулаками отстоял. Но памятливое крестьянство долго еще помнило с десятков японских словечек. И мне досталось «Банзай».

– А что это значит? – неожиданно для себя спросил Горка и густо покраснел.

– Ну, вроде нашего «ура». Так, поварёнок, японцы в боевом раже орали. Я не обижался. Мне мое прозвище даже нравилось. А Коську «Котом» позволялось называть только мне. Да, полковник?

– Да меня так только ты и называл!

После обеда Лавров и Васич перешли в гостиную, а Горка устроился на полу в колыбельке и принялся строить из

Лего что- то вроде Ходячего Замка. Разговор за дверью велся неинтересный – о каком- то песко- бетоне, фундаменте, неправильных чертежах и хозяине дачи, «которого душит жаба». И Горка вскоре перестал прислушиваться и опять стал думать о том, что хорошо, если бы Васич забрал его с собой туда, где никто никому не станет объяснять, что он сын «бедной Мили и несчастного Николая Ивановича». И не нужно будет отворачиваться и опускать голову, когда в очередной раз Цветана или еще кто-нибудь будет спрашивать его, как и что он вспоминает о маме и папе.

Когда из военного городка Горка попал в больницу, там проходили практику студенты из медицинского училища. Несколько девушек и один парень. Когда какой-нибудь врач с ними знакомился, то спрашивал: «Сколько вас?». Парень отвечал: «Восемь девок, один я!» И все смеялись, потому что этот студент был ниже всех, и его смешно звали девичьим именем «Аська». От «Арсения».

Как-то поздно вечером в своё дежурство Аська присел на кровать, где, обняв подушку, ничком лежал Горка.

– Послушай, пацан, – сказал он. – Я на твоём месте был и потому за свой базар отвечаю. Ты вот что, сопли не распускай и как ты там жил с мамой- папой не вспоминай. Думай только о том, что сегодня, сейчас вокруг тебя и с тобой происходит. Выдержишь, и прошлое с тобой останется и будущее не потеряешь.

– А сколько выдерживать? – спросил Горка, отрывая от

подушки опухшее от слез лицо.

– Сколько надо. У каждого свой срок.

– А как я узнаю, когда мой?

– Сам поймешь.

Горка поверил Арсению сразу и безоговорочно. Позже в интернате, едва Цветана начинала фразу словами, «а помнишь, как мама...», Горка быстро отвечал «нет». И если она пыталась продолжить разговор, грубо обрывал её на полуслове. Цветана расстраивалась, а Горка злился и на неё, и на себя и бывал рад уехать на выходные пусть даже к Гнедышеву. Он даже завидовал Лесику, для которого так естественно было жить только в настоящем времени. Горка не мог бы объяснить этого словами, но принять условия нового существования, бесконечно сравнивая их с запахами, звуками и отношениями между людьми в своей прежней жизни было выше его сил. Когда в нормальной школе, в которую Цветане удалось Горку устроить, его стали называть «приютским шибзиком», он не дрался, не кричал, что он сын полковника – героя Афгана. Он молча усмехался. Его окрестили «придурочным», толкали, когда он писал, показывали на него и крутили пальцами у виска. В ответ Горка поворачивался к обидчику лицом и, не говоря ни слова, смотрел тому прямо в глаза. Этого не выдерживали и, ругаясь, отходили. Цветане Горка не жаловался. Она понимала, что в школе ему приходится нелегко, но удерживалась от расспросов. Серые глаза Игоря, так живо напоминающие Цветане нежную Милю

длинными ресницами, смотрели на мир со строгим отцовским выражением, не допускающим сентиментальных вольностей. Горка, между тем, унаследовал от Николая Ивановича и способность, выделив для себя главное, сосредоточиться на нём, не поддаваясь соблазну отвлечься от этого ни по какому поводу. Он любил учиться. Ему нравилось узнавать новое. И это стало главным в его жизни.

Через полгода многое изменилось. Учителя стали говорить, что Гордиевский мальчик со способностями, но, конечно, и с отклонениями. Преподаватель русского языка и литературы заметила, что раньше таких замкнутых детей просто называли «дикими», а теперь выдумали какое-то странное слово, сразу не вспомнишь.

– Ну, отчего же, Вы же фильмы с Брюсом Уиллисом любите, – возразил учитель математики. – Говорили, что почти все пересмотрели. Вспомните «Меркурий в опасности». Там типичный мальчик- аутист, гениальный разгадыватель кодов.

– Оставьте! Тот мальчик вообще не умел общаться с другими людьми. Это совсем другое психическое отклонение, чем у Гордиевского.

– Почему же другое. Просто другая степень выраженности. Кстати, Гордиевский по моему предмету в первых учениках. Прирождённый математик.

– Но, судя по всему, в Ваших любимчиках, не ходит.

– Не ходит. Не выражает желания, если быть справедли-

ВЫМ.

Одноклассники стали списывать у Горки домашние задания по основам алгебры, которые ввели в их 5 классе в виде эксперимента. Про «шибзика» вспоминали всё реже. Появился приятель Сева со шрамом на верхней губе после пластической операции. Когда в очередной раз классный авторитет Филя стал размахивать перед Сево морковкой и называть Зайцем, Горка прижал его к стене и тихо сказал: «Не смей!». Это так поразило парня, которому никто не осмеливался давать сдачи, что он на какое-то время оторопел. Несколько минут его растерянности хватило, чтобы он утратил славу вожака.

За три года жизни в интернате Горка сорвался только однажды. Не просто плакал до соплей, а катался по полу, зажимая уши ладонями. И все потому, что за стеной радио запело «Колыбельную» Блантера маминым голосом

Когда Горка очнулся от своих мыслей, он обнаружил, что в гостиной стало тихо. Лавров с приятелем перешли в другую комнату. Горка вздохнул, разрушил Замок и стал строить заправочную станцию, описанную в инструкции.

– Слушай, – говорил в это время Лавров Васичу, поудобней устраивая на кровати свою больную ногу. – Сказки твои о том, что ты случайно появился здесь со своими карпиками или как там их, – это для мальчика в самый раз. А я тебя, дипломат дерьмовый, знаю с тех самых пор, как ты сопли

рукавом вытирал, и мой дед, Калина Миныч, подарил тебе первый в твоей жизни носовой платок. Давай начистоту, тебя Рудька в качестве первой психологической помощи пригласил? Так?

– Ну, дерьмовый – это скорее о тебе. Потому что это ты, Кот, штаны свои новомодные не смог в первом классе вовремя расстегнуть, и мой батька, Василий Лукич, самолично срезал секатором ту лялочку, что застряла в молнии.

– Ладно, – примирительно сказал Лавров. – Будем считать, что верительными грамотами обменялись. Но я не знал, Банзай, что у вас с Рудольфом «водяное перемирие» из-за меня.

– Да ни при чем тут он. У меня работничек один заболел, так я сам доктору позвонил. Совет получил и заодно о тебе узнал.

– А приехал зачем? Ты же неделю назад говорил, что будешь сидеть в Конаково безвыездно до конца лета.

– Ну, хорошо. Узнал я от Рудольфа, что ты в очередную историю вляпался, и, прямо скажу, в данной ситуации мне не тебя, а его жалко. Он что – старик- Хоттабыч? «Тох- тибидох» и ты без проблем повезешь чужого ребенка через границу сопредельного государства? Да ты, если эту проблему раздуешь, так и в свой режимный город не вернешься. Мало тебе было административных неприятностей с твоей певицей, которая всяких «Кармен» изображает ?!

– То же мне ценитель! – насмешливо сказал Константин.–

Кармен меццо- сопрано исполняет. Совсем другой голос!

– Ну, положим, у твоей иностранной дамы проблема была не с голосом, а с нарушением паспортного режима. Так что нечего тебе из- за моей вокальной дремучести в бутылку лезть.

– Когда это было! И, кстати, Рудька напрасно переживал. Все обошлось.

– Зато у тебя разума не прибавилось. Ну, узнал, что с парнем случилось, вернулся бы из своего санатория и как- то бы все нормально устроил. По закону.

Какого лешего ты его от майора забрал да ещё и наобещал всего!

– Да ясно мне уже! – Лавров поджал губы и с досадой дернул головой. – Но понимаешь, Васька, когда я мальчишку увидел худющего, обритого, с болячками на губах, ну просто детский вариант солдата- первогодка, забитого «дедами», – у меня сердце зашло. Посмотрел я на него глазами полковника Гордиевского, и одно у меня было желание – схватить его в охапку и увезти. Защитить как- то от судьбы этой сиротской.

Я Николая Ивановича знал недолго. Но после Деда – это второй человек, на которого я равнение держу. Он многих, кто младше его, «сынками» называл, так, поверишь, я ревновал. Своего- то отца я почти не помнил. Вообще, большого достоинства был человек, полковник Гордиевский. Рядом с ним я и понял то, о чем только в правильных книгах читал.

Что есть на свете абсолютно честные и порядочные люди. И подневольный военный человек может не поступаться совестью, даже когда маршала на него с пистолетом прут. Даже непонятно, как при этом он в армию попал и до полковника дослужился. Перед начальством шапку не ломал, а мальчишек-призывников опекал как нянька. Комбат-батяня – это в точку, это про него.

В это время в прихожей простужено прохрипел дверной звонок. Раз. Другой. Услышал его только Горка. Он вышел в коридор, подошел к двери, взялся было за ручку и хотел спросить «кто там?», но передумал. Подождал. Услышал, как позвонили в соседскую квартиру. На всякий случай решил позвать Лаврова.

Горка оказался у кабинета как раз в тот момент, когда Васич решительно произнёс:

– Ладно, хочешь, я с парнишкой поговорю, объясню, почему не ложится ему дорога к морю?

– Ты с ума сошел! Ему не ложится! Ты думаешь, я туда поеду, пока хоть как-то с ним не разберусь?!

– Я думаю, ты не хочешь, чтобы тебя комиссовали, – сказал Васич после небольшой паузы с неожиданной сталью в голосе.

– Представь, не делаю из этого трагедии !

– Зато сейчас ты ломаешь комедию абсурда?! Хромой бла-

годетель! Кому будет легче от твоей глупости? Мальчику, Рудольфу, тебе? Рудольф говорит, что сейчас мальчик нормально устроен, а вернешься, сможешь с ним общаться.. Если, конечно, раньше не поубиваешь его опекунов. Какого лучшего ты устроил скандал у майора? Представь, он обозлится и сообщит, куда надо, что два одиноких мужика похитили у него мальчика- сироту. Где после этого окажешься ты и мальчик?

– Это что? Вердикт общественного мнения? Если одинокий или вдовец, как Рудька, – значит извращенец?

– Не юродствуй! Давай я поставлю все точки над “и», и Рудольф отвезет парнишку туда, откуда ты его умыкнул.

Горка, застывший перед дверью, в которую тихо постучал, прислонился спиной к стене, сполз вниз и остался сидеть на полу, обняв коленки.

– Черт с ним, с санаторием и с вами, благодетелями. Никуда мы с Игорем не поедем. И я с сегодняшнего дня сам начну решать, как мне оформить на себя патронат, опекунство или что там еще!

– Вот именно! Что еще?! Ты же ни черта не смыслишь в этих делах! А парня ты спросил, хочет ли он тебя в папаше? Он, между прочим, только на поездку к морю согласился. Может он от обиды вообще не захочет иметь с тобой никаких дел или, ещё похлеще, – такого на тебя наговорит, что в суде

будешь оправдываться.

– Уже и он у тебя извращенец?!

– Коська, ты не знаешь современных детишек! Они эту неразбериху с ювенильной юстицией ещё как умеют использовать в своих целях! Подруга моей младшей... ну, не подруга... одноклассница... разозлилась на отца за то, что он её на какую-то тусовку не пустил да еще наподдал за грубость, и написала на него донос о насилии в семье! Ты бы видел, как все закрутились: и школа, и социальные работники. Это к маргиналам они ни за порог, там же, сам понимаешь, грязь, запахи. А здесь семья известного человека, главного инженера, можно поиздеваться над людьми в культурных условиях, сунуть нос куда не надо. Доказать это самое насилие над ребенком они не смогли, но инженера затравили. Бросил он и семью, и работу, уехал к родственникам. Это хорошо еще, что девица о «развратных действиях» не сочинила. А то было бы, как с тем профессором из школы при консерватории. Целый год сюжет с центральных каналов не сходил. Даже после оправдания доказывал, бедняга, что он не верблюд

– Кончай, Василий. Если у тебя нет других забот в нашей гордой столице, которая слезам не верит, – возвращайся с миром в своё Конаково. А с мальчиком тебе лучше не общаться. У Рудьки переночуешь. Недоеденных карпиков с собой возьмешь, угостишь братца.

– Скотина ты, Кот!

– От скотины слышу!

– Ты что же, у чиновников правду надеешься найти?

– Ну, не такой уж я прекрасодушный. А коррупция на что? – в голосе Лаврова явно послышалась ирония.– Я же, сам понимаешь, в своем ведомстве не последний человек, имеются кой- какие знакомства. Ладно, пойдем на дорожку чайком побалуемся.

Константин неловко встал с кровати и, хромя сильнее обычного, направился к двери. Толкнул створку и замер на пороге:

– Горка!

Мальчик поднялся на ноги, не отрывая спины от стенки.

– В дверь звонили, я позвать хотел. Постучал Вам.

Помолчали. Васич за спиной Лаврова сказал с досадой: «Ну, дела...».

– Я... – первым заговорил Горка и слегка запнулся. – Вы не беспокойтесь. Не хочу я на море. Мне в городском лагере нормально.

Чай пили молча. Потом Лавров включил телевизор и демонстративно устроился на диване перед экраном смотреть «Планету людей». Горка закрылся в «колыбельке». Васич несколько раз звонил кому- то, потом аккуратно затянул ремешки на рюкзаке и позвал Лаврова в коридор. Тот прихватил с собой и Горку.

– Прощайте, мужики, – сказал Васич почти весело, хотя глаза у него были грустные, – отбываю в Конаково. Не поми-

найте лихом.

Лавров слушал его, приобняв Горку. Потом наступил такой момент, когда они с Васичем застыли друг перед другом, не решаясь ни сблизиться, ни отдалиться. Первым сделал движение Васич. Он шагнул навстречу другу, и стриженная голова мальчика оказалась прижатой к его рубахе, от которой исходил запах острого мужского пота. Он отшатнулся. Вась Васич развернулся и шумно вывалился на лестничную площадку.

Добжанский приехал на следующий день после отъезда Васича. Доктор нервничал, уединялся с братом в кабинете, с Горкой говорил, отводя глаза. Мальчик не выдержал, и, оставшись наедине с Константином, сказал:

– Дядя Костя, можно я ненадолго пойду во двор. Там в детском городке Марго с бабушкой и больше никого. Ну, помните, вы позавчера этой бабушке ручку на сумке починяли?

– Так девочка же маленькая совсем. Не скучно тебе будет?

– Найду, чем заняться. И не такая уж она маленькая. В этом году в школу идет.

– Хорошо. Только будь, пожалуйста, на виду.

Девочка и её бабушка Горке обрадовались. Бабушка сразу же пересела на другую скамейку и припала ухом к мобильному телефону. А Марго устроила у мальчика на коленях новую куклу- Братц по имени Анжелла, похожую на внучку

Бабы- Яги, и стала учить ее и Горку арифметике.

Когда Марго повели домой, нехотя поплёлся в квартиру доктора и Горка. На лестничной площадке он неожиданно столкнулся с самим Добжанским и, уступая дорогу, с плохо скрываемой радостью сказал тому: «До свидания!». Доктор кивнул головой и заспешил вниз по ступенькам. Горка вздохнул с облегчением, постоял, посмотрел ему в след. А когда, довольный, повернулся к двери, то увидел на пороге Лаврова. Темные глаза Константина смотрели на Горку с укором.

– Наигрался? – сказал он, пропуская мальчика внутрь, и вздохнул. – Пойдём перекусим.

Ели молча, но Горка то и дело вскидывал глаза на Константина. Ему почему- то казалось, что Лавров хочет сказать ему что- то важное. Так и случилось.

Когда допили чай, Константин остановил Горку, который хотел было убрать со стола посуду.

– Не торопись. Успеется... Ты вот что, – виновато произнес Лавров, – наша с тобой поездка, похоже, отменяется. Но Рудольф тут ни при чём.

– Я знаю, – спокойно ответил Горка. – Только лучше бы я в его квартире не жил, и Вы бы, дядя Костя, меня на Огородную в интернат отвезли. Ваш брат после меня здесь дезинфекцию будет делать.

Сказал, закусил губу и отвернулся. Лавров положил руку ему на плечо. Горка отодвинулся. И Константин почувствовал – это не просто обида. Ему давали понять, что он чужой.

Продолжать объяснение было бессмысленно.

– Напрасно ты так о Рудольфе... Но, как скажешь, – наконец ответил он растерянно. – На Огородную, так на Огородную. Но денёк- другой тебе ещё придется потерпеть.

Горка передернул плечами, молча развернулся и пошел в «колыбельку». Шел и злился на себя. Он понимал, что должен относиться к Лаврову, как к человеку в его жизни случайному. Но почему- то не мог. И вот теперь и этого человека, как учил Аська, придется выбрасывать из памяти, чтобы жить без ненужных воспоминаний. Лучше бы не приезжал.

Около полуночи Лавров наведалься в «колыбельку». Ночь была душной. В окно круглым желтым глазом смотрел месяц. Горка спал на сбитых простынях, неудобно расположившись чуть ли не поперёк кровати. Константин одной рукой приподнял его, другой поправил постель. Когда голова Горки коснулась груди Лаврова, мальчик вдруг открыл глаза и сердито посмотрел на Константина. Тот замер, но уже через мгновенье веки мальчика опустились, он коротко и глубоко вздохнул, и опять погрузился в сон.

Устроив Горку на кровати поудобней, Лавров присел у него в ногах. Посмотрел на его узкую грудь с выпирающими ключицами, несоразмерно крупную голову на тонкой детской шее, худые руки с острыми локтями и вспомнил, как впервые увидел голубиных птенцов. В тот день они с Васькой тайком забрались на чердак Петюни- почтаря, у которо-

го был черный голубь- хохлач с гаремом белых голубок, и увидели гнездо с тремя голыми уродливыми птенцами. Существа вертели тонкими пупырчатыми шейками и раскрывали непомерно широкие желтоватые клювы больших лысых голов с закрытыми выпуклыми веками. Они совсем не походили на пушистых забавных цыплят, и Горке сразу же расхотелось заниматься голубями и ждать пока вот эти маленькие чудовища подрастут и покроются перьями.

"Сейчас, – думал Лавров, – я гляжу на мальчишку с болячками на губах и не чувствую ничего, кроме желания немедленно защитить этого ребенка ото всех бед на свете. Но вопрос в том, сколько в этом нормального мужского инстинкта, а сколько сознания того, что передо мной сын Николая Ивановича. Я же не смотрю так на других несчастных детей. Я, благородный такой, жалею их ровно столько, сколько вижу глазами. В лучшем случае даю «на конфеты», не задумываясь, что на самом деле они с этими деньгами сделают. Так с чего же я злюсь на Рудьку? Для него Горка, быть может, просто пупырчатый голубиный птенец неизвестной породы. Для Васьки тоже. Так чем я от них отличаюсь? К тому же, они в очередной раз доказывают мне, Косте Лаврову, что готовы быть рядом при всех обстоятельствах. А что, кроме неприятностей, я вечно доставляю Рудьке? И что я знаю о Ваське, который в двадцать восемь лет был самым молодым мастером цеха на трубном гиганте, а теперь перебивается случайными заработками? И всё- таки мерзко... отвратительно,

когда взрослые мужики ТАК просчитывают, что может получиться, если ты поступишь просто по совести. Дети могут использовать... Люди могут подумать... Какое мне дело до этого! Есть мальчик Горка! И есть я, Константин Лавров! И с чего это мне нужно пугливо оглядываться по сторонам, не примут ли меня за маньяка из подворотни, если я хочу заботиться о мальчишке. Как взрослый мужик о беспомощном ребенке! «Будьте добрыми, насколько можете!»

Уже потушив лампу над своей кроватью, Константин долго не мог заснуть. Вспоминал Деда. Вот у кого сердца хватало на всю школьную ребятню с её детскими грехами. Ведь ангелов среди его подопечных не было. Прямо «святой Калина», как Фелиппо Нери, любимый святой Иванны, прихожанки униатской церкви! «Будьте добрыми, насколько можете»...

Жаль, конечно, но не видать ему, полковнику Лаврову из закрытого города Арзамаса, Италии и не ходить по Риму, и не бывать в церкви Санта-Мария-ин-Валичелла.

В последнюю встречу Иванны плакала и почти кричала:
– Кому нужны ракеты ваши смертоносные, тайны ваши военные! И где вы этим занимаетесь?! В Сарове, в самом святом месте, где монахи диких зверей с рук кормили!

Потом кинулась к компьютеру, нашла фильм о «Божьем шуте» – святом Филиппо Нери:

– Мы с девочками из ансамбля пошли в церковь в Риме,

где его могила, пели «Парадизо», и молились там вместе с детьми, чтобы все смогли быть добрыми! Все люди чувствуют себя сиротами, которым нужен кто-то, кто бы сказал: «Будьте добрыми, ну, хоть немного, насколько можете! А я помогу Вам!» Видишь, какой у этого падре взгляд?! Вот какими глазами люди должны смотреть на детей и друг на друга!

Он тогда не удержался и сказал: «Иванка, это ведь не святой падре, это **хороший итальянский актер**. Дурак, конечно. Но ведь правда! Никакого сходства между святым и актером не было в помине. Настоящий дон Филиппо, если по портрету судить, был похож на длинноносого старика с тонкими губами и усталым взглядом.

Иванна тогда на его слова не ответила, а упала на диван, свернулась калачиком и уткнулась в подушку заплаканным лицом. Боже, как он проклинал себя за этот цинизм! А потом виновато думал, что у его собственного деда тоже был какой-то особый всепрощающий взгляд. Взгляд-индальгенция. Угадал-таки этот актер!

Вспомнилось, как Дед, разговаривая с маленькими детьми. Присаживался на корточки, либо поднимал и ставил их с собой вровень. Взъерошить волосы, приобнять или, напротив, дать легкий подзатыльник – с этим проблем не было, когда дело касалось не только их с Рудькой, но и других детей. Для него все были своими.

Засыпая, подумал, хорошо бы приснился Дед. Представил его уже совсем седого, погрузневшего возле любимой старой яблони «фунтовки». Стоит, нагнувшись, возит каким-то помазком по шероховатому стволу, а рядом ведро с вмятиной на боку, и плещется в нём раствор извёстки, похожий на снятое молоко. Маленьким думал, что это оно и есть. Рудька смеялся, дразнил.

С этим воспоминанием Константин забылся между сном и явью. А когда не выспавшийся, ранним утром открыл по звонку дверь, то понял, что вот оно, собственно, настоящее сновидение!

Горка, услышав голоса, осторожно приоткрыл дверь ванной и выглянул в коридор. Кто пришел не разглядел, но с облегчением подумал, что «не Рыжий».

Затаился, решил подождать, пока не пройдут в гостиную. Не уходили. Но стало ясно, что второй голос женский.

– Иванушка, пташка моя перелётная, соловушка, – захлёбываясь словами и не справляясь со сбившимся от сердцебиения дыханием, говорил Константин, прижимая к себе светловолосую гостью. Он был в майке и джинсах.

Женщина, гибкая и высокая, почти равная ростом Лаврову, отклонилась назад, упираясь ему в плечи, и засмеялась: – Костик, дай мне вздохнуть!

Константин охватил ладонями её лицо...

«Целоваться будут, – брезгливо скривился Горка, осторожно прикрыл дверь и отошел от неё подальше.– Слюни всякие!» Он не любил смотреть взрослые поцелуи даже по телевизору. Отворачивался или глаза закрывал. А тут живые люди!

Но останься он на пороге, то поцелуя бы не увидал, зато услышал бы, как дядя Костя сказал жалобно, как маленький:

– Если это сон, то лучше бы мне не просыпаться!

А женщина ответила, смеясь:

– Вот и продолжай спать, милый! Твоя Шехерезада прекращает дозволенные речи и исчезает! Меня в машине ждут, Костик. Я с девочками и продюсером. Но вечером появлюсь! И буду до утра!

– Нет! Не отпускаю! – Лавров уткнулся в облако ее легких солнечных волос.– До вечера бесконечно долго!

Когда Горка, выждав немного, выглянул в коридор, то увидал Лаврова, стоящим в дверном проеме, и услышал гулкое эхо торопливых шагов гостыи где-то на нижних этажах. Выходить в коридор не хотелось. Словно он подсмотрел что-то запрещенное и признаться в этом было неловко. Наконец щелкнул замок, покашливание Лаврова стало доноситься откуда-то из глубины квартиры, и Горка, быстро пробежав по коридору, проскользнул в «колыбельку».

Спать не хотелось. Он лег животом на подоконник и посмотрел вниз. Людей во дворе не было. Восемь припарко-

ванных с вечера автомобилей стояли на своих местах, и стало ясно, что еще очень рано.

Горка устроился на кровати и стал слушать утро. Капризно заныла потревоженная машина, раздраженно каркнула ворона, визгливо ссорились воробьи, осторожно тявкнула маленькая собачка и сердито огрызнулся на нее большой пес. Горка на минуту закрыл глаза...

Константин после встречи с Ивановой тоже прилег на диван, ожидая, когда утомонится вдруг зашпешившее сердце. После ранения и контузии на учениях с ним часто случались такие приступы, и они беспокоили его сильнее, чем больное колено. С известным паникером Рудькой он об этом не говорил, и научился справляться с такими состояниями самостоятельно. Нужно было положить таблетку под язык, лечь на спину, расслабиться и спокойно ждать, ни о чём не думая. Но уж это сейчас было совершенно невозможно! Лавров улыбнулся, вспомнив, как Рудька читал ему «Похождения хаджи Насредина» и он никак не мог понять, почему жадный имам не мог выполнить условие хаджи и не думать о белой обезьяне. Рудик тогда рассердился и сказал: « Умный какой! Вот я тоже обещаю дать тебе две ириски, если ты не будешь думать о белом крокодиле!» Ириски Косте тогда не достались. Сейчас бы он тоже их не получил, потому что не думать о том, какой вечер его ждал, разумеется не мог. Правда удалось сосредоточиться на прозаической мысли об

ужине. Ну не кашей же кормить перелетную птичку!

Тут он почувствовал, что сердце внезапно перешло на свой обычный ритм. Поднялся рывком, но комната закружилась каруселью. Пришлось опять лечь и закрыть глаза.

Лежал неподвижно и думал об Иванне, Иванке. Между ними было девять лет разницы. Теперь, когда у Иванны не осталось родных, она казалась Лаврову такой же незащищенной птичкой, как и Горка. Впрочем, она всегда была такой. Говорила, что любила без памяти и отца с матерью и свою бабулю Василину. И они её. Только бабушка Василина не приняла зятя сердцем, и оттого Иванна всю жизнь разрывалась между ними. Отец был приёмным сыном и не знал своего роду- племени. Не о таком муже Василина Никитична мечтала для своей дочки. Лида учительница, а этот даже образования не имел. И звали его не поймёшь как – Грыгор. Да ещё не в церковь ходил, как все люди, а к униатам в храм и ребенка в свою веру обратил. Иванна говорила, что отец был мягким застенчивым человеком, механиком, мастером на все руки, но так и не смог заслужить доброго слова от бабушки. А если случалось ему где-нибудь выпить в компании, отчего он становился только улыбочивей, то бабушка могла неделями попрекать этим и его, и свою дочку.

Иванна плакала, просила за отца, который ей был даже ближе матери, но бабушка Василина продолжала относиться к нему, как к чужому случайному человеку. И понять этого Иванка не могла.

Дочки и зятя не стало у бабушки Василины в один день. Поехали на экскурсию в Закарпатье. Паром сорвался при переправе через быструю речку. Лида оказалась в воде, за ней прыгнул муж. Так и ушли вместе на дно. Плавать Грыгор не умел.

На поминках Иванна света не видела от слёз, а бабушка просто закаменела. А когда пила «за упокой», только и сказала: «Не дал Бог Лидушке ни веку долгого, ни счастья». Иванна, которой было пятнадцать, не выдержала, закричала:

«Папа мамусю больше жизни любил! Они счастливые были! А ты.. ты недобрая!» И убежала из дому. Искали её по всей Виннице, а нашли на берегу Южного Буга, быстрой реки, которую древние славяне называли Богом. Болела тяжело и долго. Думали, что потеряет голос, но обошлось. А бабушка прожила ещё пятнадцать лет, и единственная её уступка внучке заключалась только в том, что на Иванушкином юбилее в музыкальном училище она сказала:

– Спасибо Богу, что одарил мою Лидушку и её верного мужа Гришу таким светлым янголом.

Но «Гриша» в бабусиных устах звучало для Иванки музыкой. Это было признание отца близким человеком. «Будьте добрыми, насколько можете...»

Константин, вздохнул, открыл глаза и неожиданно увидел себя в море. Он плыл по солнечной дорожке, и тёплые волны перекатывались по его плечам. Костя перевернулся на спину, опустил веки, всем своим существом отдаваясь чувству

покоя и радости. Господи, как просто быть счастливым! Не надо плыть! Нужно вот так бездумно довериться волнам, и они вынесут тебя на берег... на тёплый песчаный берег. И вдруг где-то совсем рядом резко вскрикнула чайка. Лавров взмахнул руками и... проснулся. За окном, откликаясь на сигнал хозяина, недовольно взвизгивал автомобиль.

Константин в испарине поднялся с измятой простыни. Боже, проспал всё на свете! Скорее в душ! И покормить мальчишку! Наверное давно встал и хорошо, если догадался напиться чаю. И сколько там у нас осталось до Вечера?!

По дороге в ванную заглянул в колыбельку. Горка в шортах, но без футболки, лежал на кровати, раскинув руки. Решил разбудить парня после того, как примет душ. Под струями холодной воды Лавров приходил в себя и решал тактические задачи предстоящего дня.

Горка очнулся ото сна и увидел, что солнце поднялось совсем высоко и уже проглядывало через верхушки высоких кленов на детской площадке. Утренней свежести как не бывало. В комнате было жарко, как когда-то в маленькой кухне бабушки, когда она творила тесто на куличи. Горка выглянул в коридор. Стало слышно, как в кухне вода из крана барабанит по дну чайника. Вот звякнула крышка, зашипел газ. Рыжий или Костя? Повернул голову, посмотрел под вешалку, куда доктор обычно пристраивал свою сумку. Пусто!

Быстро пробежал по коридору, заглянул в открытую дверь.

Константин в белой боксерке и джинсах тяжело нависал над столом, опираясь на столешницу не загорелыми мускулистыми руками и напряженно всматривался в экран ноутбука. Повернул голову в сторону Горки, сказал буднично:

– Привет, ореховая соня! Заспались мы сегодня!

Горка не ответил, но улыбнулся. Мультик про Алису он любил. Потом подошел к Лаврову поближе, заглянул сбоку в ноутбук, но ничего не разглядел. Экран отсвечивал.

Константин осторожно, не сгибая больной ноги, присел на стул.

– Ты вот что, – сказал он просительно, – не в службу, а в дружбу: положи что-нибудь на хлеб себе и мне. Не успел я с завтраком. У нас вечером гости будут, а я, похоже, чуть не проспал Царство Божье. Вот теперь придется придумывать, что бы такое особенное приготовить да побыстрее. Посмотри в холодильнике.

Сказал и уткнулся в комп.

– Ладно, – охотно откликнулся Горка.

И не успел чайник засвистеть, как перед Константином уже стояла тарелка с треугольными бутербродами.

Лавров отвлекся от ноутбука.

– Признаться не ожидал от тебя такой расторопности, – сказал он, отодвигая ноутбук в сторону. – И откуда такое умение ?

– От директора, Цветаны Петровны, – ответил Горка. – Летом в интернате на кухне ремонт, так она мне, себе и рабочим готовит «сложные бутерброды». Колбаса, сыр и обязательно помидоры или огурцы. Я только хлеб и огурцы нарезал, а все остальное от ужина осталось.

– Слушай, так если ты «человек умелый», может не все еще пропало, и успеем мы со званым ужином до часа X ? Как считаешь?

– А что мы будем готовить?

– Сейчас поедим и будем держать «совет в Филях», – ответил Константин. – А ты давай и чай заваривай, раз такой хозяйственный.

– Гость наш из ближнего зарубежья, так сказать. Гостья, вернее. По Европам всяким с театром своим скиталась, – продолжил Лавров после долгой паузы, прихлебывая из поллитровой чашки крепкий чай. – Я ей обещал борщ научиться варить. Ты умеешь?

– Нет, – покачал Горка головой..

Константин отставил чашку. Вздохнул.

– Я уж подумал, что ты, поварёнок, и в этом спец. А за бутерброды спасибо. Очень вкусно.

Горка вспомнил Васича и отвёл глаза.

– Ладно, я тут нашел подходящий рецепт. Ты давай читай вслух, какие нужны дары земли, а я поскребу по нашим сусекам.

Горка прочитал.

– Так, половины силоса у нас есть. Давай выкладывай кор-неплоды в мойку и приводи в порядок. А я – за остальным.

– Так вам же нельзя...

– Что ещё за «вам же»! Ещё один доктор нашелся! Да ты не беспокойся, я машину поймаю. Мне же ещё в волшебный кабачок нужно успеть за сказочным вином!

«Теперь короля из «Золушки» вспомнил, – подумал Горка снисходительно. – За маленького меня принимает, думает, я до других шуток не дорос». И не дожидаясь, когда за Лавровым захлопнется входная дверь, принялся за работу. Поставил возле раковины миску, открыл кран и стал, как учила Цветана, тщательно протирать под водой крутые помидорные бока и испачканные землей морковки, похожие на оранжевых рыбок с зелёными хвостами. Теперь, когда всем становится ясно, что он, Горка, человек независимый, не ждет ни от кого ни поездок к морю, ни всяких там подарков, было очень приятно самому в чем-то помочь Косте. В мыслях он всегда называл Лаврова по имени. Горка думал о красивой гостье и о том, что Костя не пытается избавиться от него в этот вечер. Вообще, было бы круто вот так проводить время у Кости, как у вроде бы у родственника. А что?! Он в душу особо не лезет, с советами не пристаёт, не жадный...

– А Константин где? – вдруг раздалось у Горки за спиной.

«Рыжий! Костя Рыжего за мной прислал! Чтобы, значит, до вечера с глаз долой! Слабо было самому попрощаться!»

– Здравствуй, Игорь. Я тебя спрашиваю.

Доктор прошел в кухню и тяжело опустился на стул.

Горка, закусил губу и пожал плечами, не оборачиваясь.

– Ты что, язык проглотил?

– Здравствуйте, – тихо ответил Горка.

– Ну, так куда его понесло? Мне укол ему сделать надо!

Нет у меня времени здесь расслаживаться. У меня больной потяжелел, уйти может.

Горка сглотнул, пытаясь совладать с дрожащими губами.

Оглянулся.

Рыжий сидел в полуоборота к нему, согнувшись, опустив голову и широко расставив ноги. Пот ручейком стекал по его виску. И никакой на нём белой рубахи с аккуратно подвёрнутыми рукавами, а свисает с плеч выцветшая голубая футболка, мокрая от пота между лопатками.

– Дядя Костя в магазин ушел. То есть на такси уехал.

– Зла на него нет! – устало сказал доктор после паузы и остался сидеть у открытого окна, тяжело дыша.

И Горка замер. Вспомнилось, как в последний раз отец неожиданно прилетел поздним вечером. И как настойчиво уговаривал пойти к больной маминой подруге погулять с каким-то её пёсиком. И он, дурак, пошел и носил вокруг дома на руках дрянную собачку Сюсю, потому что она, пучеглазая, была похожа на муху с оборванными крылышками и до смерти боялась других собак. А когда вернулся, отца уже не было. Мама сказала, срочно вызвали. И всё! Не виделись они больше! Тогда Горка злился на маму за её какое-то необыч-

но спокойно ласковое радостное лицо, и не верил, «что вызвали срочно» и что «папа очень жалел». А потом, уже в интернате, вспоминая это отцовское предательство, пугая Лёку, бился головой о стену. Обманул! Обманул! И службу свою оставить обещал, и «на Юга» втроём податься! Как он его ненавидел! Отца! Что маму больную оставлял! И в цирк с ним ни разу не пошел! Ни разу! Только всё обещал! А эти все сослуживцы – «батяня- комбат!» А ему, Горке Гордиевскому, кем он был?! Полковник Гордиевский!

Вот и этот, Рыжий, сейчас отдышится и скажет: «Костю я не дождусь, так что собирайся без него. Тебе в интернат пора». И прощайте, полковник Лавров! Хлебайте борщ вместе со своей подружкой!»

– Ладно, пойду я, – неожиданно напомнил о себе Доктор.– Скажи Константину, чтобы укол сам себе сделал. Я всё, что нужно, на столе в кабинете оставил. И хотел бы я знать за какими- такими фенхелями он на такси отправился!

Горка резко развернулся. И если бы доктор Рудольф Янович Добжанский смотрел в его сторону, то увидел бы лицо совершенно незнакомого ему мальчика. Ну, просто отрока из древней легенды, причастного к тайне, что конец света отменяется. Такие у Горки становились глаза. Радость рождалась в них из глубины печали. Темно- серые с широкими зрачками, они светлели и начинали отливать голубизной.

Но Доктор на Горку не смотрел. Приложив мобильник к уху, он ждал ответа на свой вызов.

– Варвара? Ну, что он? Не паникуй. Еду я, еду. Терехова не отпускай. Ну, можно мне за двое суток на полчаса расслабиться?!

Вздыхнул, сунул трубу в карман брюк, а оттуда извлек аккуратно сложенный носовой платок и вытер серое от усталости и влажное от пота лицо. Потом тяжело поднялся и пошел к выходу.

– А Вы ... Вы чаю выпейте, – сказал Горка в спину уходящему Добжанскому срывающимся голосом.

– Пожалуй, можно, – согласился тот, уже стоя на пороге. – Ставь чайник, я руки пойду помою.

Вскоре раздались такие звуки, как если бы доктор мылся над ванной.

Горка сбегал на балкон, снял с верёвки горячую от солнца Костину футболку и повесил её на дверную ручку в ванной.

Стол для ужина Константин хотел накрыть в гостиной. Но поскольку именно стола там и не было, нужно было либо притащить в большую комнату огромный двухтумбовый гигант из спальни, либо поставить туда маленький из кухни. Клеёнка на кухонном столе была старой и несколько потёртой, хотя и в красно-коричневую клетку какого-то благородного шотландского клана. Решили её снять, но то, что обнажилось под ней оказалось в таких неблагородных пятнах и царапинах, что клеёнку вернули на место. В пустой, но большой гостиной с высокими потолками и лепниной по карни-

зам кухонный стол, пусть и в килте, смотрелся весьма убого. Возвратили его на место.

Тарелок и всего прочего хватало, а набор бокалов Константин привёз вместе с вином. И даже о салфетках не забыл. Наконец, всё, что нужно было сварено, нарезано и разложено, но «вечер» никак не наступал. В интернате был просто: вечер – это после полдника. Но часовая стрелка на настенных часах в кухне уже показывала восемь, время отбоя для малышей, а он не приходил. И ещё яркое июльское солнце, отражаясь в окнах квартир дома напротив, продолжало смеяться над Горкиным нетерпением.

И все равно звонок в дверь застал всех врасплох! Лавров вдруг подумал в этот момент, что надо бы почистить ванну, и птичья трель застала его со щеткой в руке. А Горка, стоя на подоконнике, выгонял на балкон красивую бабочку, запутавшуюся в шторах. Но первым после очередного звонка оказался у двери все-таки он. Испугавшись, что гостья может уйти, закричал громко:

«Сейчас! Сейчас!» И стал быстро открывать одну за другой все задвижки на двойных дверях, удивляясь, зачем людям, которые теперь живут в апельсиновом саду, когда-то понадобилось так много замков!

– Ой! – сказала стоящая за дверью молодая женщина, которую Лавров вчера называл странным именем «Иванна». – Извините, мальчик, я, кажется этажом ошиблась!

– Нет! Нет! – закричал Лавров, почти прыгающий на од-

ной ноге по длинному коридору. – Это мой мальчик, Иванна! Мой! Ну, что ты стоишь, Горка! Приглашай!

Теперь, когда Горка оказался рядом с гостьей, она показала ему просто очень высокой девочкой с веснушками и прямого чуть длинноватого носа и целой копной волос, о каких не скажешь, что они прямые, но и курчавыми их не назовёшь.

– А я вдруг на миг чуть сознания не лишилась, подумала, вдруг всё это мне просто привиделось. И поездка наша ночная, и утренняя встреча. Я же всё время твердила номер квартиры ...41! На два больше, чем тебе!

Лавров протянул руки, Горка отстранился, и они обнялись.

– Послушайте, мальчики, – через секунду вырываясь из объятий Лаврова, просительно сказала Иванна, – а воду вам не отключили? Мы в гостинице едва успели умыться, как краны зашипели и всё! Какая-то авария! На мне столько пыли, что я чувствую себя чем-то вроде огородной грядки, на которой можно выращивать спаржевую фасоль!

– Не отключили! – в один голос сказали Горка и Константин.

– Тогда я в ванную! Костя, дай мне какую-нибудь свою рубашку. Я кофточку освежу.

– Ну, дам, конечно. И... там полотенце зелёное, оно это... чистое.

Когда из ванной раздалось пение, Горка, как стоял посе-

редине коридора, так и застыл.

– Горка, – принялся тормозить его Лавров, – на балконе футболка сохла. Куда она делась?

– А? Футболка? Я её Рыже..Доктору отдал. У него мокрая была. Он звонил Вам?

– Звонил. Кругом я, парень, перед ним виноват. А тут ещё стиральную машину бельём набил, а порошка не купил! Ладно, пойду в шкафу пороюсь.

– Дядя Костя, дядя Костя, а она певица?

– Иванка? В общем да, у них областной музыкально- драматический театр. Маленький, но известный. Он во многих странах гастролировал. Даже в Италии. Она сейчас, можно сказать, «шепчет». А если во весь голос?! Но что же с рубашкой делать? А, сынок? Пойду форменку что ли достану.

Обращение «сынок», Горка пропустил мимо ушей. Мало ли кто обращается так к пацанам. Но дорогого стоило то, что Костя даже при таких обстоятельствах ничуть им, Игорем, не тяготился. Горке ведь не было уже давно тех восьми глупых лет, когда он не понимал, почему мама и отец иногда явно были озадачены, куда бы его сплавить из однокомнатной квартиры хотя бы ненадолго. Это несмотря на то, что он, Горка, был их собственным ребёнком. А зачем, скажите, ради него чем- то жертвовать полковнику Лаврову с подружкой? И внутри Игоря от этого вопроса всё время сталкивались разные чувства. Он и по щенячьи радовался и готов был всё сделать для Кости. Во всём помочь за такое его отноше-

ние. А потом его, как холодной водой окатывало. Начинать думать: «Она из ванной выйдет, они переглянутся и поймут, кто здесь третий- лишний. Кто я им!»

Горка пошёл в кухню, опустился на стул и замер, положив руки на колени.

Он слышал, как Костя спешил по коридору, делая сильный упор на здоровую ногу, как открыла дверь Иванна, и они вдруг громко рассмеялись, вместе и как- то в тон. А потом оба показались на пороге, и стало ясно, отчего они веселились. Плечи форменной белой рубашки Лаврова обвисали на руках гостя чуть ли не до локтей, такая она была узенькая. Иванна, не останавливаясь на пороге, сказала:

— Костик, я пойду повешу блузку на балконе. Я её твоим шампунем постирала.

— Да, да. Там и вешалка на верёвке.

А Константин, встретился глазами с Горкой и застыл на месте. Как будто сработала машина времени, и перед ним сидел не шустрый мальчуган, который только что готовился к «званому вечеру» с предвкушением чего- то необыкновенно радостного, а тот, маленький равнодушный робот с ничего не выражающим лицом, каким он был неделю назад. Вот только не стало «заедов» на детски пухлых губах, и короткий ёршик густых русых волос покрыл круглую высоколобую голову.

— Ты что, Горка?! — Лавров схватил мальчика за плечи.— Что с тобой?!

Горка поднял на Константина полные слёз глаза.

– Я ничего. Я так. Я в комнате подожду.

– Чего?!– изумился Лавров.

– Чтоб не мешать. А в интернат меня можно на такси от-
править. Я уже ездил так к майору.

– Когда это тебе в голову пришло?

Горка опустил глаза:

– Когда Она запела.

– Не понравилось?

Горка отвернулся.

– Да нет, – вдруг, сильно краснея, сказал Игорь. – У ма-
мы моей тоже сопрано было. Папа любил, когда она на-
певала. Только он редко приезжал. Я не маленький. Пони-
маю теперь, как им хотелось друг с другом наедине побыть.
А раньше обижался. Ну, и не хочу вам мешать.

– Волк козу задери! – в сердцах сказал Лавров, опускаясь
на стул. – И этот за меня решает!

Вид у него был такой по- детски обиженный, что Горка
неожиданно для себя фыркнул.

– Давай хлеб нарежь, и будем борщ по тарелкам разли-
вать, – продолжил Константин устало. – Мы с тобой тут что-
то перехватывали, а девчонка целый день на одном кофе.

Иванна вошла – они и не услышали. Босые узкие ступни,
почти прикрытые длинной юбкой, легко касались пола. По-
пала в солнечную дорожку и вся засветилась. Влажные волос-
сы точно намокшие под дождём головки ромашек, собран-

ные в пучок. А большие глаза – зелёные с тёплым желто-коричневым ободком вокруг зрачка.

Горка так и замер, раскрыв рот. И Лавров застыл с тарелкой в руках.

Первый раз за последние три года, Горка увидел то, чего ему не хватало в окружающих людях и чего было так много рядом с мамой – красоты, которая бывает только у женщин.

Какое-то он время сидел, как оглушенный. Слышал, что Костя и Иванна говорили о чем-то, но слов не разбирал. Налили вино в бокалы, чокались, смеялись. Горке достался большой бокал не-то Пепси, не то Колы, но он даже вкуса не почувствовал. Всё это было как-то отдельно от него. Сердце просто-таки толкалось в груди.

Наконец Солнце зашло за дом напротив, и в комнате стало прохладней. Горка почувствовал, что ему свободней и спокойней дышится. Он поднял глаза на Иванну. Она в это время положила ложку, встряхнула головой, улыбнулась:

– Спасибо вам, хлопчики. Только, похоже, я одна такая прожорливая, а у вас в тарелках ещё дна не видать. Коська, мне даже неловко!

– Мы же кусочничали весь день, пока готовили. Нашему аппетиту разбег нужен. Сейчас тебя догоним. А не много мы перцу добавили? Тебе-то мы может и угодили, а голосу как?

– Вот-вот, – засмеялась Иванна, – он отдельно от меня, как Нос у Гоголя! Только и слышу: то для голоса нельзя, это. Будьте людьми. Хоть вы меня не мучайте!

– А...у Вас...сопрано лирическое...да? – неожиданно спросил Горка осипшим баском.

– О...у тебя такое ухо?! Или тебе Костя сказал?

– Вы немного из Нормы пели. Значит сопрано, колоратура.

– Да. Тебе интересно?

– Очень. Вы соль диез третьей берёте или фа?

– Фа.

– – И мама тоже...

– Ребята, – с напускной обидчивостью отозвался Лавров, – я что здесь – третий лишний? Что ещё за «фасоль»?

– Костик, разве мало я тебя просвещала в прошлом году?!

Так что нечего ёрничать.

Она передразнила :

– «Фасоль»!

И Горке :

– А ты поёшь?

– Не- ет. У меня голоса нет. Я маме подыгрывал на пианино, когда она «Соловейко» пела.

– Алябьева?! – удивилась Иванка.

– Нет, это народная песня, там простой мотив. Но мама и на музыку Алябьева «Соловья» пела, и на Сен- Санса.

Тут Лавров не выдержал:

– Простите, господа артисты, но рояля в кустах у меня нет!

Иванна бросилась ему на шею:

– Даруй!

Горка ужасно покраснел, и стал суетливо убирать со стола пустые тарелки.

Лавров остановил его и громко рассмеялся.

– Если бы вы знали ребята, как бы мне хотелось всю жизнь вот так сидеть между вами и слушать! Но вы же меня бросите, бездарного такого! Так давайте хоть один вечер проведём, как мне о том мечтается.

Когда зазвонил мобильник Лаврова, он посмотрел на экран и сказал:

– Простите, мышки, звонит Господин Кот, пойду объясняться.

– Рудик, – не спросила, а утвердительно сказала Иванна.

Константин кивнул головой и поднялся:

– Пойду объясняться и «пardonу» просить. Я та ещё хавронья.

Когда он вышел, Иванна сказала, вздохнув:

– Я всегда хотела иметь такого старшего брата, как Рудик...

Когда познакомились, ужасно на него злилась. Казалось, всё он присматривается ко мне по недоброму, через какой-то свой докторский микроскоп рассматривает. А у меня уже и бабушки не осталось. Ну, никого родного. Вот только одна близкая душа – Костя. И его пытаются отнять. А теперь вот Рудик и мне как брат.

– А у меня так не получится, – неожиданно для себя сказал Горка. – Я буду к дяде Косте хорошо относиться отдельно от Доктора.

Иванна поднялась, пересела на место Лаврова, поближе к Горке.

– Игорь, Костя мне сказал, что живёт в квартире Рудика вместе с сыном своего погибшего командира. А больше я ничего не знаю, – с тревожными нотками в голосе сказала она.

– Ну, да. Всё правда, – ответил Горка. – Только отец мой не был его командиром. Они были в одном звании и служили в разных частях.

Помолчали.

– Папа не погиб, он умер. И мама тоже, – продолжил Игорь. – Она к нему поездом поехала. У них годовщина свадьбы была. Когда в вагоне у мамы приступ аппендицита начался, она думала, что перетерпит, не говорила никому. Её уже без сознания в часть привезли. А папа через несколько дней... от сердца.

Теперь я в интернате живу. И потому Доктор боится, что я дяде Косте навяжусь и жизнь испорчу.

Вы уговорите дядю Костю в санаторий поехать. Он без меня не хочет, а со мной нельзя. Вот из-за этого они с Доктором и ссорятся. Мне в городском лагере нормально. Только дядя Костя этому не верит.

Услышав шаги Лаврова, когда он был уже на пороге кухни, Иванна быстро вернулась на свой стул. И выражение лиц

у них с Горкой стало таким, каким оно бывает у нашкодивших школьников, которых учитель едва не застал врасплох.

Лавров подозрительно посмотрел то на одного, то на другого и тяжело опустился на стул.

– Рудька обещал отоспаться и утром приехать, так что мы втроём тебя провожать поедем. Вы из Внуково летите?

– Да, но мне нужно приехать заранее, чтобы своих там найти. Ты Рудику сказал?

– Не волнуйся, все учтём.

– Давайте теперь пить чай. Костик, а в гостиной можно? Я там диван видела.

– Там стола нет, но чашки можно на стулья поставить, – быстро сказал Горка.

– «Хорошо придумано, старина Сизый нос!» – засмеялась Иванна – Устроимся втроём на диване. Костик, ну давай! Соглашайся!

Пока переносили посуду, небо затянули тяжёлые от влаги тёмные тучи, парусом забились от ветра занавеска над открытой балконной дверью. Гостиная озарилась сполохами молний, за которыми ещё не поспевал гром.

Иванна села на диван боком, подтянув под себя ноги и накрыла их желто-зелёной юбкой. Как будто укрылась скошенной травой.

– Нам тепло, уютно, а кого-то гроза в поле застала или в лесу. Давайте выпьем за то, чтобы они поскорее добрались до какого-нибудь убежища.

У кого-то из вас есть интересная история про грозу? Расскажите.

– У меня! – сразу же отозвался Горка, который пристроился рядом с ней. – Мы сидели в дождь на открытой веранде. Гром гремел где-то очень далеко, и молний за деревьями не было видно. Бабушка вязала. Мама читала. А я рисовал за столом. И вдруг на веранду влетел золотой такой светящийся мячик. Он пролетел над моей головой, ударился об электрическую розетку и бах! Взорвался. Как этот мяч надомной летел я не видел. Об этом мне мама рассказала. Они с бабушкой, когда его увидели, замерли. Потом говорили, что очень испугались, как бы я не поднял голову. Я взрыва не то, чтобы испугался. Просто вздрогнул от неожиданности. А бабушка сразу же меня схватила в охапку и просто потащила в дом. А потом закрыла все форточки, и дверь на ключ заперла. Наш сосед объяснил, что это была шаровая молния.

– Вот это история! – восхищенно сказала Иванна. – Я читала в детстве, что журнал «Знание – сила» предлагал всем, кто видел шаровую молнию, сообщать об этом в специальную рубрику. Это же ещё не до конца изученное явление.

А с тобой, Костя, что-нибудь особенное случилось?

Тут в комнате совсем потемнело, и Лавров зажег свет. Не успела загореться лампочка, как комната осветилась молнией.

– Ой! – сказала Иванна. – Может мы закроем балкон? А то ещё влетит что-нибудь!

– Вот трусишка! Шаровая молния – явление редкое. И военных инженеров она сама побаивается.

– Да ну тебя! Я в детстве ужасно грозы боялась и пряталась вместе с кошкой под стол. Она дрожала, и я вместе с ней.

– А нас с Рудькой и Дедом гроза однажды застала на озере. Вот было страху. Я видел как молния прямо в воду вошла. Дед виду не подавал, говорил:

«Держитесь парни, это вам крещение от Ильи- пророка». В этот день действительно был такой церковный праздник. Ну, Рудьке было лет двенадцать, и он держался молодцом. Сидел на корме с рулевым веслом. А я, правду сказать, ревел по- тихому. Хорошо под дождём слез было не видеть.

Тут за окном почти одновременно засверкало и грохнуло.

– Ой, мамочка! – сказала Иванна. – Закройте!Закройте!

Горка подхватился и побежал к балкону. Намокшая занавеска больно стегнула его по лицу. Он с ней не справился, и она так и осталась наполовину зажатой балконной дверью.

– Придётся тебе потерпеть, Иванка, – засмеялся Лавров. – Нет тут у нас ни стола, ни кошки.

Иванна запустила в него подушкой.

«Как маленькие» – подумал Горка. Ему было не страшно и даже очень хорошо.

– Я, когда была маленькой, хотела ездить на поливальной машине и делать летом дождь для детей. Но без грозы. А ты, Игорь, кем хотел быть?

– Я хотел работать на детской железной дороге машинистом. Меня однажды в кабине паровозика прокатили.

– А сейчас?

– Я буду морским географическим путешественником. Изучать всякие неизвестные острова.

– Ну, мне кажется, всё уже открыто- переоткрыто.

– Нет не всё. Вот есть остров Северный недалеко от Индии, так на его берег ступил только один человек. Но, что он там увидел, неизвестно. Островитяне его... Ну, в общем он исчез и всё. И до сих пор они не разрешают к ним приезжать. Но я обязательно там побываю. И жизнь их опишу, как Миклухо- Маклай.

– И ты уже знаешь, что нужно сделать?

– Конечно. Я построю маленькую шхунку, приплыву туда и буду всё время вокруг острова кружить. И у меня будет очень громкое радио и много музыкальных записей. Я ещё не всё подобрал. Но то, что Вы напевали – «Парадизо» – обязательно будет. Я в одной передаче слышал, что от музыки получают удовольствие почти все люди. Что- то из моей музыки этим островитянам обязательно понравится, и они позволят мне сойти на берег...

Лавров, который удобно устроился в противоположном углу, закрыл глаза и улыбнулся краешками губ, наслаждаясь наивными фантазиями Горки.

– Знаете, – продолжал тот. – а пишут они палочками на листьях. Я видел по телику растения, у которых разноцвет-

ные листья и даже цветы. У молодых – зелёные, а потом желтые, оранжевые, красные и даже какие-то фиолетовые. Вот, если хорошее настроение и известие приятное, то можно на красном написать, если грустное – на тёмном.

– Ой, Горка, Костя заснул! – тихо сказала Иванна

А Лавров и вправду уже уходил, погружался в мягкое облако безмятежного сна.

– Он Вас ждал очень. – шепотом сказал Горка. – Мама говорила, что от ожидания устаёт больше всего.

Иванна осторожно спустила ноги на пол.

– – Пойдём уберём на кухне. А здесь ничего не трогай.

И они тихо, как заговорщики, вышли из комнаты.

Иванна мыла посуду, Горка убирал со стола и вытирал мокрые тарелки.

– Твоя мама в театре работала?

– Нет, в музыкальном училище концертмейстером. А когда заболела, и мы сюда переехали, – в детском садике. У неё очень хороший голос был, но зажимался на большой сцене. Так Цветана Петровна говорит. А я помню, как в первом классе слушал маму на концерте в училище. Ей много букетов подарили. И очень хлопали.

В этот момент на пороге кухни появился Лавров.

– Ребята, я кажется отключился. – – сказал он смущённо. – Очнулся один, и если бы не чашки на стульях, подумал, что вы оба мне приснились. Мне ужасно совестно.

Иванна торопливо вытерла руки полотенцем, бросилась ему на шею.

– «Полковник, милый мой полковник» ...

– «Бухгалтер..» – механически поправил её Горка, который сразу же услышал у себя внутри голос Цветаны Петровны, напевающей с калькулятором в руке.

– Ой! Устами младенца! Поскорей бы не полковник!

– Да вы тут уже и порядок навели! Ну, хорош же я! – виновато произнёс Константин.

– Так, – скомандовала Иванна. – моем чашки и спать. «Завтра» уже началось!

Когда Рудольф Янович Добжанский в семь часов утра открыл дверь своим ключом и вошел в коридор, в квартире царила тишина.

«Проспали, – подумал он. – Надо будить и ставить чайник. Хоть чаю успеют напиться». Но каково же было его удивление, когда в гостиной он увидел всех троих на диване. Доктор застыл на пороге вопросительным знаком, а остальные молча повернули головы в его сторону: Горка, Иванна и печальный Константин, в ногах которого стояла дорожная сумка.

«Если найти не салонный, а кабинетный рояль, – иронично подумал про себя доктор Добжанский, – он свободно сюда впишется. И если подучиться на педиатра и ларинголога, из меня получится неплохой семейный врач».